

Личный архив

ЗВЕЗДА ПО ИМЕНИ ВИКТОР

ЦОИ

18+

Личный архив

Виталий Калгин

Звезда по имени Виктор Цой

«АСТ»

2017

УДК 784.7.071 Цой В.
ББК 85.318

Калгин В. Н.

Звезда по имени Виктор Цой / В. Н. Калгин — «АСТ»,
2017 — (Личный архив)

ISBN 978-5-17-099466-3

Группа «Кино», безусловно, один из самых популярных рок-коллективов, появившихся на гребне «новой волны», во второй половине 80-х годов XX века. Лидером и автором всех песен группы был Виктор Робертович Цой. После его трагической гибели легендарный коллектив, выпустивший в общей сложности за девять лет концертной и студийной деятельности более ста песен, несколько официальных альбомов, сборников, концертных записей, а также большое количество неофициальных бутлегов, самораспустился и прекратил существование. Теперь группа «Кино» существует совсем в других парадигмах. Цой стал голосом своего поколения... и да, и нет. Ибо голос и музыка группы обладают безусловной актуальностью, чистотой, бескомпромиссной нежностью и искренностью не поколенческого, но географического порядка. Цой и группа «Кино» – стали голосом нашей географии. И это уже навсегда... В книгу вошли воспоминания обо всех концертах культовой группы. Большинство фотоматериалов публикуется впервые.

УДК 784.7.071 Цой В.
ББК 85.318

ISBN 978-5-17-099466-3

© Калгин В. Н., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Предисловие	8
Часть 1. Легенда о «Кино»	9
Часть 2. Цой и его «Кино»	25
«Ракурс» и «Палата № 6»	27
Зима 1981 года. «На Москву»	29
21 марта 1981 года. День рождения Андрея Тропилло	31
Весна 1982 года. Рок-клуб	35
8 февраля 1982 года. Москва, клуб имени Рокуэлла Кента.	37
Мифи. «Аквариум» / «Кино»	
3 апреля 1982 года. Концерт в ленинградском рок-клубе	39
25 июля 1982 года. Москва. Концерт у Александра Липницкого	40
Октябрь 1982 года. Выступление в Москве в красном уголке	41
ЖЭК	
Конец 1982 года. Запись в ленинградском МДТ	42
4 января 1983 года. Квартирник в Москве у Владимира	46
Левитина	
19 февраля 1983 года. Концерт в ленинградском рок-клубе	47
1983 год. Квартирный концерт у Павла Краева	50
22–25 декабря 1983 года. Майк и Цой в Свердловске	52
Январь 1984 года. Концерт в Москве. 30-я спецшкола	58
Май 1984 года. II фестиваль ЛРК	59
Июнь 1984 года. Петергоф	62
9–10 июля 1984 года. Мини-фестиваль в поселке Николина	63
Гора	
12 июня 1984 года. ДК им. Крупской	64
Январь 1985 года. Цой, Майк и Рыженко в Москве	65
Март 1985 года. III фестиваль ЛРК	66
1985 год. Концерт в клубе ЛПИ	67
Апрель 1985 года. Концерт в мастерской Александра	68
Флоренского	
Лето 1985 года. Майк и Цой. Концерт в Киеве	70
23 июля (16–17 сентября) 1985 года. Таллин	72
6 октября 1985 года. Концерт в Усть-Ижоре. Выставка	74
«Митьков»	
22 ноября 1985 года. Концерт в зале рок-клуба	75
20 декабря 1985 года. ДК «Невский»	78
4 января 1986 года. ДК им. Шелгунова	79
12 апреля 1986 года. Виктор Цой и Николай Михайлов в	80
Куйбышеве (Самара)	
31 мая 1986 года. Концерт на IV фестивале ЛРК	82
8 июня 1986 года. Москва. ДК МИИТ. Фестиваль московской	84
рок-лаборатории «Движение в сторону весны»	
Первому Крымскому рок-фестивалю 1986 года посвящается...	85
Осень 1986 года. Цой. Концерт в Долгопрудном	87
6 сентября 1986 года. «Кино» в Риге	88
6 октября 1986 года. Концерт в Таллине. ДК им. Я. Креукса	90

ДК Креукса, или первый концерт „Кино“ в Таллине	91
„Этот Цой трахнул всех...“	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Виталий Калгин

Звезда по имени Виктор Цой

© В. Н. Калгин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Предисловие

Сегодня сложно сказать что-то новое о группе «Кино». За много лет сказано уже, пожалуй, почти все. Как правда, так и вымысел. Тем не менее есть еще много очевидцев и участников событий тех лет, чьи слова, пусть даже незначительные для понимания и восприятия творчества группы «Кино» и личности самого Цоя, весьма интересны и ценны, поскольку это слова наблюдателей. Своего рода свидетельские показания. Разумеется, Цой один. Однако у каждого из нас свой Цой.

Одиннадцать лет назад, в 2005 году, вышла книга «Виктор Цой. Это сладкое слово – Камчатка» под редакцией экс-участника «Кино» Алексея Рыбина. Текст книги подготовил московский ценитель творчества «Кино» коллекционер Владимир Митин. Главной его идеей было собрать воспоминания очевидцев о концертах «Кино» разных лет и дать более-менее верный список выступлений Цоя по стране за весь период творческой жизни группы. И вот, по прошествии десятилетия, к 55-й годовщине со дня рождения Виктора Цоя, я решил подготовить нечто подобное. Эта книга состоит из известных воспоминаний и интервью, а также из неизвестных рассказов и комментариев очевидцев и свидетелей.

Сразу хочу сказать, что не следует безоговорочно верить всему, что говорят люди. В книге собраны разные мнения и воспоминания: для одних «Кино» стало откровением, а для других – разочарованием. Прошу прощения, если некоторые суждения покажутся читателям слишком резкими – не забывайте, что невозможно рассказать всей правды, не задев при этом ничьих чувств.

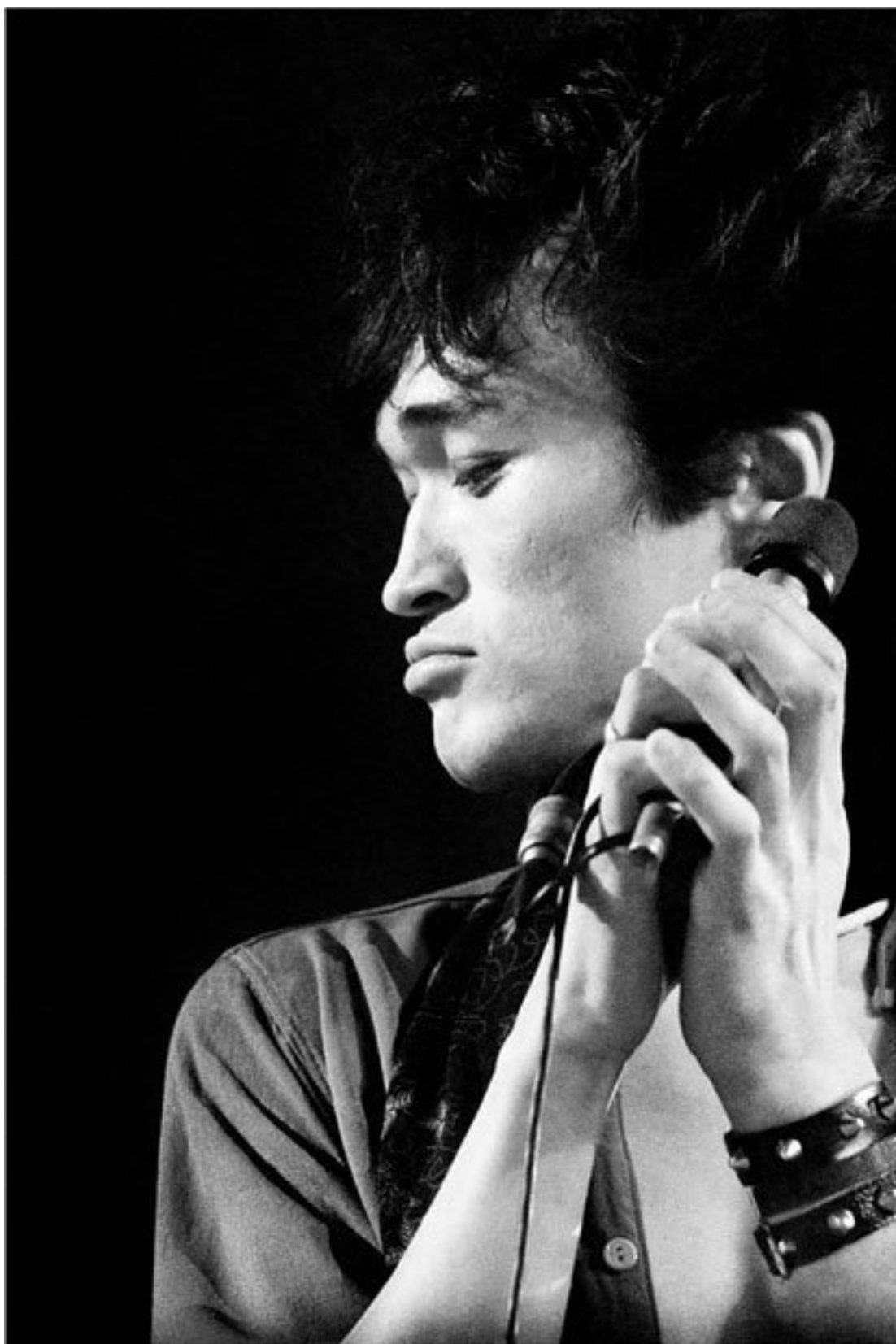
Хочу сказать спасибо всем, кто помогал мне в подготовке этой книги. Благодарю за понимание родных и близких, всех, кто верил и надеялся. Спасибо вам, милые и дорогие...

Благодарю Ольгу Втюрину (Пушкин), Алексея Николаевского (Калуга), Ольгу Вундер (Токио), Илону Кудрявцеву (Владикавказ – Санкт-Петербург), Сергея Хилькевича (Минск), Татьяну Бороздину (Рязань), Светлану Бирюкову (Киров), Надежду Анатольевну Кислякову и Анастасию А. (Санкт-Петербург), Александру Абрамову и Ольгу Пак (Москва), Вадима Никитина (Белгород), Владимира Воробьева (Нижний Новгород), Елену Градзион (Можайск). Наталью Лебедеву (Санкт-Петербург), Ларису Михно (Норильск), Александру Камачеву сотоварищи (Санкт-Петербург), Александра Золотова (Луганск) и прочих людей, пожелавших остаться неизвестными. Особая благодарность авторам, которые безвозмездно разрешили использовать в книге свои фотоматериалы. Спасибо Наталии Разлоговой и Джозанне Стингрей, Марку Шлямовичу, Владимиру Мукусеvu, Александру Бойко, Дмитрию Конрадту, Александру Астафьеву, Геннадию Черкасову, Олегу Бурбовскому, Андрею Крисанову, Анне Шанталь-Петтер, Виктору Лаврешкину, Алексею Щербатых, Сергею Бельведерскому, Сергею Неговелову, Юрию Врацких, Георгию Степанову, Сергею Кручине и Дмитрию Бутасову, Владимиру Быстрову, Виктору Морозову, Андрею Воронову, Елене Константиновой, Дмитрию Защеринскому, Юрию Бойко, Дмитрию Зелентову, Николаю Краснопевцеву, Йону Кальдану, Марине Тихомировой, Анатолию Кругловенко, Феликсу Розенштейну, Сергею Подгоркову и Андрею Коткину.

Благодарю всех, кто помогал в поиске верной информации, в частности Алексея Марчену, Виталия Фролова и Владимира Долгова, а также Оксану Печкобей, Оксану Омельчак.

В этой книге история творческого пути группы «Кино», изложенная уже сотни раз, приводится весьма кратко. Главное здесь – воспоминания людей. И если кто-то узнает из них хоть что-то новое – значит, все не зря. Значит, все не так уж плохо на сегодняшний день...

Часть 1. Легенда о «Кино»

Группа «Кино». Четыре молодых человека, одетых в черное. Немногословные, курящие длинными затяжками. Совесть поколения 80-х. И как показывает жизнь – не только того поколения, но и нынешнего.

Сегодня журналисты спорят: какой была эта группа и каким был ее лидер – Виктор Цой? Эпитеты самые разные – от голоса неустроенной молодежи до знамени перестройки.

Чем только ни объясняли его успех – от избранности до конъюнктуры. И чьих только происков ни находили в его раннем уходе – от КГБ до высших сил.

Как писала журналистка Марина Ярдаева, изображать Виктора Цоя просто человеком кажется даже кощунственным. Разве мог обычный смертный добиться столь необычайной популярности? Но, может быть, феномен питерского музыканта именно в том и состоит, что он был предельно нормален? Ведь для любого художника именно это предельно нормально – остро чувствовать жизнь в ее бесконечном многообразии и отражать в своем творчестве так просто и здраво, что это находит отклик в сердцах тысяч людей. И это действительно так...

* * *

Родился будущий лидер группы «Кино» около пяти часов утра 21 июня 1962 года в тогдашнем Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) в семье совершенно обычных советских людей, инженера и учительницы физкультуры.

Брак родителей Виктора был смешанным.

Отец Виктора, этнический кореец Роберт Максимович Цой, родился 15 мая 1938 года в казахстанском городе Кызылорде. В Ленинград будущий отец рок-звезды приехал поступать в Ленинградский ордена Красного Знамени Механический институт (впоследствии Военмех), на инженерный факультет. Это ему удалось, несмотря на плохое знание русского языка, поскольку после смерти Сталина гонения на корейцев почти прекратились и возможностей стало гораздо больше.

Мать Виктора, Валентина Васильевна Цой (в девичестве Гусева), была родом из Ленинграда. После окончания школы тренеров при институте Лесгафта юная учительница получила направление с распределением на Карельский перешеек, в небольшой поселок Кирилловское, где ей предстояло отработать в обычной сельской школе два года.

Как рассказывала сама Валентина Васильевна, с будущим отцом Вити она познакомилась в канун нового 1961 года, на новогоднем вечере, и уже 13 февраля молодая пара узаконила свои отношения в недавно открывшемся Дворце бракосочетания, расположенном на Английской набережной Ленинграда.

В 1965 году, когда Виктору исполнилось три года, его отдают в детский сад. Именно там, по воспоминаниям его мамы, у Виктора и проявился первый талант – способность к рисованию.

Как вспоминала впоследствии Валентина Васильевна, в садик, куда ходил маленький Виктор, однажды зашел художник и, пообщавшись с детьми, попросил передать родителям Вити, что их сын очень хорошо рисует. На выпускном в садике воспитатели, восхищенные рисунками малыша Цоя, подарили ему книжку и сказали: «Витя, ты наш художник...»

Второй Витин талант – музыкальность – был замечен воспитательницей во время занятий музыкой. У маленького Виктора оказалось хорошее чувство ритма. Он легко мог повторить любой, даже самый сложный музыкальный пассаж, отбивая его ладошками, и по окончании детского сада воспитатели наперебой советовали Валентине Васильевне отдать Витю в художественную или в музыкальную школу.

1 сентября 1969 года Витя Цой пошел в первый класс, в школу, где преподавала его мама.

Через год Валентина Васильевна смогла устроить Витю в изостудию при местном Дворце пионеров. Именно там во время одного из родительских собраний Валентине Васильевне сказали, что у нее растет очень талантливый мальчик, и посоветовали найти ему хорошего педагога. И Валентина Васильевна, выслушав советы преподавателей изостудии, решила отдать Витю в художественную школу.

В 1974 году (с четвертого класса) Валентина Васильевна отдает Витю в художественную школу № 1.

Уже со средней школы Виктор все больше проявлял себя как гуманитарий: его интересовали литература и искусство, а точные науки не находили какого-либо интереса и отклика в его душе. В седьмом классе появились тройки, и окончание восьмилетки чуть не стало проблемой. К этому времени Виктор уже решил стать художником, и успеваемость по общеобразовательным предметам перестала его волновать.

Помимо рисования в скором времени у Виктора появилось новое увлечение – музыка. Он увлекся игрой на гитаре. На дворе вовсю шли семидесятые, в СССР появились первые рок-группы, и это не могло не найти отклика в душе юного художника.

Как известно, первая гитара, подаренная Виктору родителями, появилась в доме, когда будущий музыкант был в пятом или шестом классе. Роберт Максимович, показав сыну первые аккорды, совершенно не мог тогда представить, во что выльется это его новое увлечение. Виктор же, подойдя к делу очень серьезно, быстро освоил гитару и уже в восьмом классе вместе с приятелем организовал в школе свою группу, которая чуть позже получит название «Палата № 6».

Как вспоминал впоследствии музыкант «Палаты» Максим Пашков, тексты на английском языке и музыку писал он. А Витя очень помогал с аранжировками, поскольку у него с детства был отличный вкус. По словам Пашкова, Цой выдавал весьма интересные пассажи на гитаре, хотя первое время очень стеснялся петь и был все время на вторых ролях. Пашков, который к тому моменту лучше Виктора играл на гитаре, взял на себя роли гитариста и вокалиста, а Цой стал бас-гитаристом.

Планы Цоя получить художественное образование поначалу реализовывались: после восьмого класса, в 1977 году, он поступил в художественное училище имени Серова, в просторечии – «Серовку». В училище было несколько отделений, и вот на одно из них – оформительное – и поступает Виктор.

Пашков, оставшийся доучиваться в художественной школе, приходил на репетиции в «Серовку», и на местном комплекте аппаратуры музыканты «Палаты № 6» разучивали пассажи из наиболее популярных композиций Deep Purple и Black Sabbath.

Из-за существовавших тогда гонений на рок-музыку в 1978 году Виктора отчисляют из училища. Директор училища впоследствии рассказывал, что студент Цой, хотя несомненно обладал талантом, всем мешал: игнорировал занятия, а когда изредка появлялся в аудитории, то вел себя максимально независимо как в общении, так и в учебе. Да и наличие длинных волос в конце 70-х воспринималось как несомненный вызов советскому обществу. Совершенно очевидно, что уже в тот момент живопись перестает интересовать Цоя и его всецело захватывает музыка. Гитара, кстати, по словам одноклассников Цоя, всегда была при нем, он даже в училище с ней ходил.

Как бы то ни было, Виктора отчисляют (официально – за неуспеваемость) и он устраивается штамповщиком на завод, параллельно продолжая учебу в вечерней школе.

В июле 1980 года Виктор Цой поступает в СПТУ-61 на специальность «резчик по дереву».

Еще в 1979 году в Ленинграде появляются панки, и чуть позже Цой оказывается в компании Андрея Панова по прозвищу Свинья, будущего лидера панк-команды «Автоматиче-

ские удовлетворители», – с которым он познакомился через одного из знакомых Максима Пашкова.

Осенью 1980 года в группе Пашкова, где играл на басу Цой, начинается застой, потому что Максим, лидер группы и автор песен, утратил интерес к занятиям музыкой. Он поступил в театральный институт на курс В. В. Петрова и ушел с головой в театральную жизнь, вследствие чего музыкальная активность «Палаты» практически сошла на нет. В результате Цой еще больше сблизился с компанией Свины.

В начале 1981 года «Палата № 6» выступила на сейшене в общежитии СПбГТИ на улице Здоровцева вместе с группой «Пепел» и флейтистом Борисом Ободовским из только что распавшегося «Пилигрима», но той же весной «Палата № 6» окончательно ушла в прошлое.

Что же касается Свины, то он, получив от жившего за рубежом отца приличную сумму денег, купил неплохой набор аппаратуры и музыкальных инструментов и создал первую в стране панк-группу, куда чуть позже пригласил Цоя играть на бас-гитаре. Цой, обладавший некоторым музыкальным опытом, согласился помогать на репетициях и концертах, что обрадовало Свиню, поскольку из его тогдашнего окружения играть толком никто не умел.

Многие друзья Свины, да и он сам, частенько подтрунивали над Цоем, призывая его к сочинению собственных песен, но Цой постоянно уходил от темы. Видимо, сказывались некие комплексы, появившиеся из-за влияния Максима Пашкова, который считал себя бесспорным лидером в «Палате № 6». Но вскоре, после уговоров друзей, Цой все-таки пробует что-то сочинить сам, и это ему удается.

Первыми из сочиненных им песен были «Вася любит диско» и «Мои друзья». По воспоминаниям Панова-Свины, у Цоя была еще какая-то песня с фразой о «металлоконструкциях», жесткий текст с абсолютно панковской накачкой, но история, к большому сожалению, его не сохранила.

Свинье понравились первые сочинения товарища, и он даже иногда подыгрывал Цою, когда тот их исполнял. Чуть позже на одной из тусовок в квартире Панова Цой познакомился с Алексеем Рыбиным – Рыбой, – с которым очень сблизился на почве схожих музыкальных вкусов. Еще больше Виктора и Алексея сплотило совместное участие в исторической поездке 1981 го да, когда «Автоматические удовлетворители» отправились в столицу на подпольные концерты, устроенные Артемием Троицким.

22 марта 1981 года, во время празднования дня рождения Андрея Тропилло в ленинградском ресторане «Бриг» Цой впервые исполнил на публике песню «Мои друзья». Она так подействовала на присутствовавшего Троицкого, что он потом везде о ней рассказывал. В том числе он сообщил о Цое и Борису Гребенщикову, предрекая: «Вот та молодая шпана, что сотрет вас с лица земли».

По словам Рыбина, БГ, будучи уже тогда мэтром рок-музыки, не воспринял всерьез слова Троицкого, но при встрече с Цоем, которая состоялась в электричке из Петергофа, был просто поражен талантом и искренностью юного музыканта.

Компания Свины вскоре постепенно перестает интересоваться Цоя, и он все больше сближается с Майком Науменко и Борисом Гребенщиковым, постепенно превращаясь из панка в «нового романтика».

По мнению многих знакомых Цоя, именно Майк стал для Виктора своего рода гуру, которому он показывал свои новые песни. И именно Майк, дождавшись, когда Цой достигнет определенного уровня, передал его в руки БГ. Общение же Цоя с Пановым-Свиньей сводится к случайным встречам на тусовках, поскольку компания Гребенщикова откровенно претит Свинье и его окружению.

Как было уже сказано выше, выступления с «Автоматическими удовлетворителями» в Москве и последующие тусовки сблизили Виктора и Алексея Рыбина, и это вылилось

в совместную поездку (вместе с общим другом – Олегом Валинским) в Крым, в поселок Морское.

Море, пляж, красивые девушки, местное вино в трехлитровых баллонах и горячее желание реализовать творческий потенциал привели к тому, что именно там, в Морском, были впервые произнесены вслух слова о создании новой группы, которую с ходу окрестили «Гарин и гиперболоиды».

После усиленной подготовки «Гарин и гиперболоиды» чистенько, без ошибок, отыграли перед приемной комиссией программу, были опрошены на предмет странного названия и смысла текстов – и приняты в рок-клуб.

Очень скоро название «Гарин и гиперболоиды» перестало устраивать музыкантов, тем более что по отношению к дуэту (Цой – Рыбин) оно звучало достаточно странно. По воспоминаниям Рыбина, был объявлен мозговой штурм, продолжавшийся не один час. Толкового на ум ничего не приходило (рассматривались даже «Ярило» и «Пионеры»). В итоге после целого дня мучительного перебирания всевозможных существительных внимание ребят, шагавших по Московскому проспекту, привлекла пророческая надпись «Кино», одиноко светившаяся на крыше кинотеатра «Космонавт». Именно в тот момент изможденный Цой произнес сакраментальную фразу: «Хрен с ним, пусть будет „Кино“». Так группа обрела новое имя, под которым и войдет чуть позже в историю советского рока.

С марта по апрель 1982 года Виктор Цой вместе с Алексеем Рыбиным записывает первый, полуакустический альбом «45» с помощью музыкантов группы «Аквариум» в студии Андрея Тропилло. Студия тогда располагалась в ленинградском Доме пионеров и школьников на Охте.

Запись альбома тяжело далась как Цою, так и Рыбину. Виктору приходилось выкраивать время на запись в студии, отлынивая от занятий в художественном училище, а Алексей, трудившийся монтажником сцены ТЮЗа, умудрялся получать мифические больничные, чтобы хоть как-то оправдать свое отсутствие на рабочем месте. Родные конечно же ни о чем не догадывались: ну бренчат ребята на гитарах и пусть себе бренчат. Мало кто понимал, что за всем этим стоит в будущем...

В итоге вся студийная запись 14 песен группы «Кино» заняла полтора месяца. Завершив студийную работу, молодые музыканты, горящие желанием сделать что-то принципиально новое – в духе «новых романтиков», – начинают решать вопросы с оформлением своего первого альбома. Поскольку время студийной записи (вместе с песней «Асфальт», впоследствии выпавшей из него) составляло сорок пять минут, то именно это и явилось поводом дать альбому краткое название – «Сорок пять» («45»).

Примерно в это же время на одной из вечеринок Цой знакомится с молодой художницей Марьяной (Марианной), в скором времени ставшей Виктору подругой, полноценной участницей группы «Кино» (в качестве гримера и костюмера), а впоследствии и женой музыканта, матерью его единственного сына Александра.

Цой постоянно что-то сочинял, пел, шлифовал свои собственные песни. Как вспоминал впоследствии Алексей Рыбин, некоторые песни рождались у Виктора очень быстро, но над большей частью того, что было написано им с 1980 по 1983 год, он сидел подолгу, меняя местами слова, проговаривая вслух строчки, прислушиваясь к сочетаниям звуков, отбрасывая лишние и дописывая новые куплеты... Так же ответственно Цой относился и к музыкальной гармонии: он всегда добивался того, чтобы новая песня полностью удовлетворяла его вкус, и в ранних его песнях практически нет сомнительных мест, изменить в них ничего невозможно.

Показательно, что ленинградская рок-тусовка альбом поначалу вообще не заметила, а московский подпольный журнал «Ухо» назвал песни «Кино» «расслабленным бряцаньем по струнам», в котором «серной кислотой вытравлены всякий смысл и содержание». В тот

момент сложно было поверить, что спустя буквально несколько лет большая часть композиций из «45» будет звучать чуть ли не в каждом дворе под условный аккомпанемент ненастроенных шестиструнных гитар.

К осени 1982 года Алексею Рыбину, выполнявшему функции директора группы, удалось создать некое подобие концертного графика, правда, большинство выступлений проходило в столице. В основном это были квартирные сейшены, но изредка случались и более солидные мероприятия, например, совместный с группой «Центр» концерт в МИФИ. Играли Цой с Рыбиным вдвоем, лишь пару раз компанию им составил барабанщик «Аквариума» Петр Трощенко.

19 февраля 1983 года в Ленинградском рок-клубе прошел совместный концерт «Аквариума» и «Кино», соратников по записи альбома «45». Новые песни «киношники» решили исполнять в электричестве, но прибегать к помощи музыкантов «Аквариума» им не хотелось – очередная помощь опытных коллег могла показаться публике чрезмерной, тем более что «Аквариум» выступал на том же концерте. В срочном порядке были найдены музыканты, однако спешка подвела ребят. Виктор был очень недоволен выступлением, но, как говорится, нет худа без добра. В процессе подготовки к концерту Алексей Рыбин знакомит Цоя с гитаристом Юрием Каспаряном.

Из-за некоторых конфликтов между Цоем и Рыбиным происходит разлад, и Алексей покидает группу. Цой же продолжает репетиции с Каспаряном.

На прошедшем в марте 1983 года в Ленинграде фестивале рок-клуба Цой не выступал. Причины были банальны: не было состава, Каспарян на тот момент был довольно слаб в технике исполнения, а вновь обращаться за помощью к музыкантам «Аквариума» Виктор не захотел.

Он по-прежнему писал новые песни и выступал на квартирниках, совмещая творчество и работу в садово-парковом тресте. Вскоре Цой, продолжающий репетиции с Каспаряном, решает сделать демонстрационную запись новых песен, чтобы дать Каспаряну возможность самому поработать над материалом. Запись под рабочим названием «46» была сделана в студии Алексея Вишни, который после то ли целенаправленно, то ли по неосторожности распространил ее в тусовке, выдав за новый альбом «Кино». Цой, не планировавший выпуск записи в виде альбома, все же нарисовал обложку к нему, но полностью новые песни в том виде, который устраивал автора, появились лишь позже, в альбоме «Начальник Камчатки».

Каспарян, у которого на тот момент был недостаточный музыкальный опыт, поначалу смешил рок-тусовку, но потом, ближе к лету 1983 года, постепенно начал вписываться в стиль «Кино», что очень радовало Цоя.

Летние планы Цоя на отдых и тусовки были нарушены приходом повестки из военкомата, которую родители Виктора обнаружили в почтовом ящике в один из солнечных дней.

Как вспоминала впоследствии Марьяна, Виктор просто не мог уйти в армию на два года, не мог потерять время и нарастающий творческий потенциал. К тому времени он уже был Виктором Цоем, которого все знали. Несмотря на активное неодобрение родителей, Виктор решает «закосить». Получение психиатрического диагноза было единственным гарантированным способом избежать службы в армии. И вот в 1983 году Цой с помощью Марьяны расцарапывает себе вены и вызывает «скорую», после чего оказывается в психиатрической больнице № 2, расположенной на набережной реки Пряжка.

Цою, ориентировавшемуся на рассказы друзей (уже «косивших» таким способом), которые говорили о проведенных двух неделях в «психушке» как о веселом приключении, пришлось несладко. По прихоти врача, настойчиво пытавшегося вывести его на чистую воду, Виктору пришлось провести в дурдоме долгих полтора месяца, и он был выписан «законным советским психом», по словам Марьяны, – «почти прозрачным». Впрочем, нужно

отдать должное советской психбольнице: именно там Цой написал свой знаменитый «Транквилизатор».

4 февраля 1984 года Виктор и Марьяна регистрируют брак. Свадьбу, на которой собрались более ста человек, отметили шумно. Достаточно вспомнить многочисленные рассказы свидетелей о том, как Владимир Липницкий (брат Александра Липницкого) махал ножом, и о том, как Майк Науменко, по словам Александра, «видом своего нежного, только начавшего набухать животика» утихомирил буяна.

Ближе к лету стряхнувший с себя действие медикаментов и пришедший в себя после «психушки» Цой вплотную приступает к записи «Начальника Камчатки», записанного в июне 1984 года в студии Андрея Тропилло с помощью «Аквариума» и приглашенных музыкантов.

Несмотря на отсутствие полноценного состава, записанный за две-три недели чисто экспериментальный альбом «Начальник Камчатки» стал для многих открытием. Подпольная рок-пресса считала его «несколько занудным», но в то же время отметила, что в альбоме есть пять несомненных хитов.

Как вспоминал Алексей Рыбин, в этом альбоме бесшабашность юного Цоя сочеталась с уже появившимся у него внутренним ощущением своей звездности и звездности всех окружающих его музыкантов: БГ, Курехина, Бутмана, Гаккеля, Троценкова, Титова. И именно эти бесшабашность и звездность, помноженные на большой уже концертный и личный опыт сотрудничающих с Цоем музыкантов, дали отличный результат.

В процессе работы над записью «Начальника Камчатки» в составе группы появляется штатный барабанщик – Георгий Гурьянов.

Как вспоминала впоследствии Марьяна Цой, Георгий уже был знаком с Цоем, пересекался с ним на тусовках, бывал на концертах (например, на концертах в рок-клубе в 1982–1983 годах, на концерте в 30-й московской спецшколе в 1984 году) и даже ездил вместе с Виктором и Марьяной в Москву, но просто так получалось, что они ни разу не работали вместе. И вот наконец Георгий занял пустующее место барабанщика «Кино», которое и занимал до 1990 года.

Именно приход Гурьянова привнес в звучание «Кино» совершенно новые ноты: элитарность, яркость, ощущение праздника. Произошла смена имиджа, подачи, стиля одежды, бэкграунда, антуража. Именно такой человек был нужен группе. Человек, который смог уловить дух времени, ветер перемен и придать группе стильный, модный look.

В конце мая 1984 года в Ленинграде был запланирован II фестиваль Ленинградского рок-клуба. Из-за хронической нехватки времени к выступлению музыканты «Кино» подготовились слабо и даже не удостоились внимания отборочной комиссии, но благодаря помощи Гребенщикова, Троицкого и некоторых членов отборочной комиссии группу все же допускают к фестивалю, что, само собой, привело группу к триумфу.

20 мая 1984 года «Кино» отыгрывает на фестивале Ленинградского рок-клуба. Тут группе уже удастся не ударить в грязь лицом.

Специально для выступления на фестивале, посвященного борьбе за мир, Цой написал «Безъядерную зону». Именно этой песней 18 мая 1984 года Цой открыл II фестиваль Ленинградского рок-клуба. Это стало началом пути Цоя к настоящей славе. Как писала подпольная газета «Рокси», неожиданный триумф был обусловлен долгой работой, ходящими по рукам студийными записями и самим фактом существования Цоя, от которого нельзя было, рано или поздно, не ожидать чего-нибудь в этом роде...

После фестиваля Цой, ободренный успехом, расстаётся с опостылевшей работой в садово-парковом тресте и отправляется с Марьяной на мини-фестиваль к Липницкому в подмосковный поселок Николина Гора, после чего в компании друзей чета Цой едет на отдых в Крым.

По возвращении из Крыма отдохнувший Цой стал подыскивать новую работу, мечтая устроиться кочегаром в котельную.

19 сентября 1984 года Виктор Цой получает на руки военный билет и официально уходит в запас, а 28 сентября Постановлением Министерства культуры группа «Кино» была внесена в черный список групп, которым было запрещено выступать на концертных площадках.

Вскоре сбывается мечта Цоя – он устраивается кочегаром в небольшую котельную тароремонтного завода. Работа сутки через трое позволяла ему не отвлекаться от музыки, ездить на гастроли, давала определенный заработок и ограждала от обвинений в тунеядстве.

В декабре Цой вместе с Майком Науменко едет в Новосибирск, где выступает в знаменитом Академгородке, затем Цой, Майк и БГ выступают в Сосновом Бору под Ленинградом, а в начале января 1985 года Цой с Майком отыгрывают квартирные концерты у Олега Ковриги и Александра Несмелова в Москве.

К весне 1985 года у группы «Кино» набрался материал для следующего альбома, и в студии Андрея Тропилло началась работа над пластинкой «Ночь».

Начатая «киношниками» работа растянулась почти на год, а на какой-то стадии и вовсе оборвалась, хотя объективных причин для подобного торможения не было. Помимо постоянных проблем со студией, «киношников» к тому же категорически не устраивал звук. Хотелось сделать что-то модное, а в студии Тропилло, как выразился Александр Титов, «модный звук не писался вообще».

В марте 1985 года прошел III фестиваль Ленинградского рок-клуба, на котором Цой впервые вышел на сцену без гитары.

В конце весны Виктор неожиданно решает, не дожидаясь окончания работы над альбомом «Ночь», записать еще один альбом – «Это не любовь». Цой, написавший много песен о любви, решил объединить их в альбом. Студия Вишни, располагавшаяся в непосредственной близости от студии Тропилло, где шла работа над альбомом «Ночь», отлично для этого подходила.

Альбом получился относительно легким по настроению – в него были включены песни «Весна», «Уходи», «Ты выглядишь так несовременно» – и для Цоя стал одним из самых любимых. По мнению музыкальных критиков, «Это не любовь» стал последним романтическим альбомом «Кино»: все последующие альбомы группы были сплошь героическими и очень серьезными.

26 июля 1985 года у Виктора и Марьяны родился сын Саша.

Цой, на плечах которого теперь лежала ответственность за жену и сына, постоянно выступал на квартирных концертах, поскольку семье не хватало средств. Уволившись из кочегарки, музыкант некоторое время сидел без работы, но потом вместе с Сергеем Бугаевым устроился матросом-спасателем на лодочную станцию в парке Победы. Спасать людей Виктору, правда, не доводилось, поскольку, если верить воспоминаниям Бугаева, ни он, ни Цой, на работе так и не появились. Вместо этого Бугаев и Цой занимались своими делами, а полагавшуюся им зарплату отдавали работавшему за них человеку, который, собственно, и спасал тонущих подвыпивших людей.

Немногим позже Виктор перешел на одну из самых тяжелых своих работ – в баню № 19 на проспекте Ветеранов, 89/2, где он был ночным уборщиком.

В ноябре произошли изменения в составе группы. 22 ноября 1985 года группа «Кино» дала концерт в зале рок-клуба, и это был первый концерт с новым бас-гитаристом. Им стал Игорь Тихомиров из «Джунглей», кандидатуру которого предложил покинувший группу Александр Титов, буквально разрывавшийся между «Аквариумом» и «Кино». Новый басист устроил всех.

В январе 1986 года вышел долгожданный альбом «Ночь».

Зимой 1986 года группу «Кино» приглашают принять участие в съемках кинофильма. Цой соглашается: ему интересно попробовать себя в новом амплуа. Предложение поступило от студента режиссерского факультета ВГИКа Рашида Нугманова. Съемки фильма «Йя-Хха» начались в мае 1986 года, о чем свидетельствуют воспоминания самого Рашида.

Покинувший группу Александр Титов не ошибся с выбором замены себе. Бас-гитарист Игорь Тихомиров оказался для группы поистине находкой, а его высокий профессиональный уровень позволил «Кино» 31 мая 1986 года, хоть и не совсем успешно, но все же выступить на IV фестивальном концерте рок-клуба.

Как бы то ни было, с приходом Игоря Тихомирова состав «Кино» полностью стабилизировался. Группа неотвратимо вступала в свой последний, «звездный», период.

Что касается самого Цоя, то к 1986 году он действительно из робкого юноши превратился во взрослого человека с собственными принципами, от которого исходила, по словам окружающих, неведомая энергия. Вместе с ним группа «Кино» набирала обороты на пути к славе. Шефство Гребенщикова и «Аквариума» осталось в прошлом – Цой и его соратники больше не нуждались в помощи и советах, группа не только вписалась в рок-тусовку, но и стала одним из лидеров движения. Отрешенно-молчаливые, затянутые в черное, «киношники» начинают разительно выделяться на фоне остальных персонажей ленинградской и московской рок-сцен.

Практически сразу после фестивального концерта музыканты «Кино» отправились в Киев на съемки фильма «Конец каникул» (режиссер – выпускник Киевского института театрального искусства Сергей Лысенко).

По воспоминаниям Георгия Гурьянова, фильм «Конец каникул» отражал именно то, к чему все тогда стремились. А хотели все тогда известно чего – свободы. Правда, лента не получила значительного резонанса (строго говоря, это был даже не фильм, а четыре смонтированных клипа). Говорят, что под конец съемок Цой поссорился с режиссером и заявил, что «сделает все, чтобы фильм не увидели».

Снятый же Рашидом Нугмановым короткометражный фильм «Йя-Хха» немедленно стал хитом в кругу поклонников рока: в те времена нечасто можно было увидеть на экране сразу столько героев рок-н-ролла, включая Кинчева, Гребенщикова и Цоя.

Самому же Цою его первые работы в кино не особо понравились, позднее он говорил: «Заниматься этим профессионально, изображать кого-то, перевоплощаться в других людей мне как-то не в кайф... Я бы с удовольствием снимался в кино, если бы мне предоставили право там вообще не актерствовать, а выражать себя».

27 июня 1986 года в Америке благодаря стараниям Джоанны Стингрей на американской фирме Big Time Records тиражом в 10 тысяч экземпляров был выпущен двойной альбом Red Wave («Красная волна»), где целая сторона одного из дисков была отдана песням «Кино» (еще по стороне было предоставлено «Аквариуму», «Алисе» и «Станным играм»).

В сентябре-октябре «Кино» дает концерты в Риге и Таллине. Заканчивается год декабрьскими концертами в Москве (в кафе «Метелица») и Ленинграде (концерт в ДК связи и в ЛРК, на дне рождения Кинчева).

В конце 1986 года произошло важное событие в жизни Цоя: он дал согласие сняться в фильме Сергея Соловьева «Асса». Предложение поступило во время московских концертов «Кино». В процессе подготовки к съемкам в декабре 1986 года на «Мосфильме» Цой познакомился с Наталией Разлоговой. В своей повести «Точка отсчета» Марьяна Цой напишет, что происходившее между Виктором и Наталией «было очень серьезно». Именно Наталия была с Виктором последние несколько лет его жизни.

«Асса» снималась в Ялте с января по март 1987 года. Досъемки проходили в Питере в мае того же года.

С 1987 года Цой постепенно отдаляется от Ленинграда и вскоре переезжает в Москву окончательно. Теперь в Питере проходит минимум концертов «Кино».

Весной 1987 года в ДК Рижского института инженеров гражданской авиации состоялся концерт курехинской «Поп-механики» (совместно с Westbam, одним из самых успешных и популярнейших диджеев Германии) при участии всех музыкантов группы «Кино». Позже это выступление было издано как альбом «Popularnaja Mehanika Feat. Westbam – Live At Riga».

3 июня 1987 года группа «Кино» выступила на V рок-клубовском фестивале (в последний раз) со своей новой программой «Группа крови», но привычного одобрения от публики не дождалась.

Чуть позже запускаются съемки документального фильма питерского режиссера Алексея Учителя с претенциозным названием «Рок». Вообще подобное внимание режиссеров к личности Цоя было закономерным. Они не могли не видеть харизмы лидера «Кино». Часть материала к фильму была отснята в котельной «Камчатка», где продолжал работать Виктор.

Во время проведения летнего Московского кинофестиваля 9 июля 1987 года группа «Кино» выступила в знаменитом клубе «ПРОК» (Профессиональный клуб), который работал в Доме кино. В конце июня, через неделю после своего 25-летия, Цой вместе с Каспаряном и Марьяной едут в Тулу на музыкальный фестиваль. В Туле «киношники» провели 27 и 28 июня 1987 года.

28 июля 1987 года Цой выступил с концертом в Желтых Водах.

В августе 1987 года приехавшему на каникулы в родную Алма-Ату Рашиду Нугманову (автору короткометражки «Йя-Хха») руководство студии «Казахфильм» предложило заменить отстраненного режиссера картины «Игла» и срочно приступить к съемкам. Нугманов связался с Виктором, и тот дал согласие на участие в картине, даже не прочитав сценария. Съемки фильма проходили в Казахстане до начала 1988 года.

2 ноября 1987 года в Ленинграде состоялась свадьба Юрия Каспаряна и Джоанны Стингрей, свидетелем на которой был Виктор Цой. По мнению тусовщиков, свадьба Каспаряна и Стингрей явилась как бы апофеозом светских событий. Цой был в тот день очень рад счастью друга и буквально светился от радости.

Новый 1988 год Виктор Цой встречал в Алма-Ате, где еще продолжались досъемки фильма «Игла».

Вообще, если отсмотреть гастрольный график группы «Кино» за 1987 год, можно заметить, что концертов было довольно мало. В течение практически всего года группа толком не выступала, занимаясь в основном записью альбома.

Альбом «Группа крови» стал пятым по счету альбомом «Кино» (если не считать полноценным альбомом запись, известную под названием «46», которая фактически является демозаписью). Его можно назвать переломным моментом в развитии группы. После выхода «Группы крови» о «Кино» узнала вся страна, и многие считают, что это лучшая работа коллектива и вообще лучшее, что есть в советском роке.

Появлению же альбома «Группа крови» предшествовал очередной переходный период, выражавшийся в затяжных поисках нового стиля. Две предыдущие работы – «Это не любовь» и «Ночь», – записанные в студиях у Вишни и Тропилло, так и не «выстрелили».

Успех нового альбома был просто поразительным – он моментально взлетел на вершины хит-парадов и стал самым покупаемым в отечественном роке, окончательно закрепив за музыкантами «Кино» статус звезд. Новая студийная запись – жесткая и лаконичная в музыкальном плане и тревожная по настроению – прослушивалась на одном дыхании, а концепция «Кино» окончательно определилась как музыкально, так и идеологически. Доминирующим настроением стала безысходная печаль человека, начавшего бой без надежды на победу – не на жизнь, а на смерть. «Трагедия, оформленная современным музыкальным

попсом», как скажут потом некоторые критики. «Кино» хвалили и ругали, обвиняли в коммерциализации и желании подстроиться под вкусы масс, а «Группа крови» тем временем расходилась все большим и большим тиражом.

После выхода альбома «Группа крови» в 1988 году начинается период «звездных» гастролей «Кино». У «Кино» появилась армия поклонников, и популярность Цоя росла с каждым днем.

В начале 1988 года на широкий экран выходит фильм Сергея Соловьева «Асса», впервые показанный на фестивале «Одесская альтернатива», прошедшем со 2 по 7 октября 1987 года в Одессе. После шумной премьеры Цой окончательно приобретает всенародную популярность. Лидером кинопроката на закате перестройки «Асса» не стала, заняв лишь почетное шестое место в 1988 году («Маленькая Вера» собрала в три раза большую аудиторию), но сразу и навсегда приобрела статус эпохального кино.

Это была первая игровая лента в советском прокате о странных чумазах обитателях андеграунда. Сам Цой в картине появляется лишь в финальном эпизоде, но именно его участие в фильме и исполненная им песня «Перемен!» сделали «Ассу» тем, чем она стала. Глядя на Цоя, молодежь поверила в возможность этих самых перемен.

К концу 80-х рок-музыка становилась коммерческим продуктом. Фильм Сергея Соловьева «Асса», собравший помимо актеров питерских рок-н-ролльщиков – Сергея «Африку» Бугаева, «Аквариум», «Кино» и «Браво», – был презентован в Москве с огромным размахом. Это была безоговорочная победа – вчерашний андеграунд вышел на большой экран, и миллионы зрителей во всех концах огромной страны воочию увидели героя нового времени. Затянутый в черное киногоеничный Цой стремительно шагнул в развевающемся плаще по нескончаемому коридору под начальный рифф песни – и вдруг врывался на сцену огромного зала, забитого молодежью. В этот момент Виктор олицетворял собой победу – под новый хит «Кино» «Перемен!» (по просьбе Соловьева группа не исполняла эту песню на концертах до выхода фильма) в зале зажигались свечи, и все вместе рождало ощущение пьянящего духа свободы.

Сам же Цой хорошо знал себе цену, и усмехался в кругу друзей: «Правда я похож на звезду?».

В Алма-Ате тем временем снимается последний эпизод «Иглы», и Цой возвращается в Ленинград. 27 января Виктор увольняется из котельной «Камчатка». Уходит, чтобы не вернуться туда никогда...

В начале марта Виктор вместе с Марьяной по приглашению Марка Шлямовича едет в Таллин, где дает несколько акустических концертов в Малом зале Горхолла, затем с 11 марта Цой и «Кино» принимают участие в арт-рок-параде «Асса» в ДК МЭЛЗ в Москве, посвященном премьере фильма «Асса».

В конце апреля Виктора приглашают выступить в 344-ю среднюю школу Ленинграда, где он дает акустический концерт и отвечает на записки из зала.

25 апреля 1988 года Виктор Цой выступает в ленинградском ДК железнодорожников, а в начале мая путь Цоя лежит в Воронеж.

К началу августа 1988 года группа «Кино» отправляется на гастроли в Крым. Их ждут Алушта и Евпатория.

В двадцатых числах августа в Ленинградском дворце молодежи проходят премьерные показы фильма «Игла», а в середине сентября Виктор с Рашидом Нугмановым и Наташей отправился в Одессу, где 16 сентября состоялся премьерный показ «Иглы» на фестивале «Золотой Дюк».

«В 1988 году Виктору Цою и группе “Кино” в „жанре всенародной любви“ не было равных...» – писал питерский журналист Михаил Садчиков. Пришла пора пожинать плоды теплого отношения публики, и для правильной, четкой организации гастролей группе был

необходим директор. И вот в сентябре 1988 года им стал Юрий Владимирович Белишкин, талантливый администратор, мягкий, приятный человек, настоящий ленинградец, которому Цой доверил заниматься делами коллектива. Однако не нужно думать, что Белишкин стал продюсером группы «Кино». Группа не нуждалась в продюсере, поскольку продюсировала сама себя. Группе нужен был администратор, умеющий вести дела, кем, собственно и стал Белишкин.

1–2 октября 1988 года Цой выступает в Москве, в ДК МАИ. Сохранились воспоминания зрителей концерта и несколько довольно удачных кадров с него.

28 октября 1988 года проходят первые стадионные концерты «Кино» в ленинградском СКК.

В конце октября после поездок Цоя в Тихвин и акустического концерта в ДК Финляндского вокзала Цой едет в Новокузнецк, где выступает 31 октября во Дворце спорта кузнецких металлургов, затем следуют концерты в Кемерово, а 1–3 ноября 1988 года – в СКК «Октябрьский».

16–20 ноября 1988 года в Москве, в Лужниках, во время мемориальных концертов памяти Александра Башлачева толпа зрителей смела стулья в партере. Цой уверенно довел выступление до конца, но за это группе «Кино» на целый год запретили выступать в Москве.

Чуть позже группа «Кино» в столице записала свой следующий студийный альбом – «Звезда по имени Солнце», однако решила придержать его до осени 1989 года, чтобы не снизить продажи «Группы крови». Заглавная песня «Звезда по имени Солнце» была написана Виктором во время съемок «Иглы» в Алма-Ате и включена в фильм, другие писались автором вслед за ней: «Невеселая песня», «Печаль», «Апрель», «Стук», «Место для шага вперед».

Альбом «Звезда по имени Солнце» был первой записью группы «Кино», сделанной на профессиональной студии. Для записи и сведения окончательного варианта альбома группа на месяц арендовала студию Валерия Леонтьева на северо-востоке Москвы, в районе метро «Преображенская».

После Нового года музыканты вернулись в студию и за десять дней записали альбом, который потом выйдет под названием «Последний герой».

Для многих поклонников «Кино» альбом «Звезда по имени Солнце» стал откровением. Мало того что в одноименной песне Цой словно пытался предугадать свою судьбу («Он не помнит ни чинов, ни имен и способен дотянуться до звезд, не считая, что это сон, и упасть, опаленным звездой по имени Солнце»), он еще и показал всем, что «Кино» кардинально изменилось.

«И толпы кричали от восторга, и каждый чувствовал себя героем», – писала журналистка Татьяна Арефьева в самиздатовском журнале «Рэдрам». В следующем году музыканты «Кино» дали более 60 концертов, большей частью на стадионах, и объездили кучу городов, где их всегда принимали по высшему разряду. У группы «Кино» действительно появилось место для шага вперед.

12 января 1989 года группа отправилась в Данию, в Христианию, где выступила на фестивале Next Stop, собиравшем средства в помощь пострадавшим от землетрясения в Армении. После концерта музыканты дали интервью местной радиостанции на английском языке. 17 января группа вернулась в СССР.

Со 2 по 5 февраля «киношники» отыграли семь концертов в Алма-Ате. После возвращения Виктор вместе с Наташей и Каспаряном впервые летит в США, к Джоанне Стингрей. Правда, что касается Наташи, то, долетев с ребятами до Нью-Йорка, она далее отправилась по своим служебным делам, оставив Виктора и Юрия с Джоанной.

Как рассказывала впоследствии сама Джоанна, она ждала этого момента так долго, что решила потратить все сэкономленные деньги, чтобы сделать путешествие ребят незабыва-

емым. Встречать Виктора с Юрием в аэропорт она отправилась во взятом напрокат белом лимузине с минибаром и телевизором. Две недели они провели, наслаждаясь жизнью... Ездили в Диснейленд, который, по мнению Джоанны, понравился Цою больше всего.

2 апреля 1989 года группа «Кино» вместе с «АукцЫоном» и «Звуками Му» вылетает во Францию, где выступает на 13-м фестивале популярной музыки «Весна в Бурже» (Printemps de Bourges). Там Виктор Цой познакомился с музыкантами группы Noir Desir и подружился с их лидером Бертраном Канта. Во Франции также была выпущена пластинка «Кино» (музыканты специально записали сборник своих хитов и привезли фонограмму в Париж). Она вышла небольшим тиражом, но разошлась хорошо.

Мнения относительно успеха группы «Кино» за рубежом разделились. Одни считали, что у «Кино» все было довольно удачно; другие, к примеру музыканты «Гражданской обороны», – что «Кино» «фактически обосралось за границей».

После Франции, откуда он вернулся 10 апреля, Цой едет в Мурманск, где выступает в Межсоюзном дворце культуры, отвечает на записки из зала и дает небольшое интервью журналистам местной газеты.

22–23 апреля 1989 года с выступлений в Волгограде начинается большая гастрольная поездка по стране.

В начале сентября группа «Кино» вновь собирается в Ленинграде, где 4-го числа дает концерт в СКК, после чего 6 сентября летит в Италию, где принимает участие в советско-итальянском рок-фестивале Back in the USSR в Мельпиньяно. 10 сентября группа «Кино» возвращается в Москву.

17 октября 1989 года Виктор Цой вновь заполняет анкету на выезд в США. Планируется поездка к Джоанне Стингрей и представление фильма «Игла» на фестивале в Парк-Сити.

27–29 октября 1989 года проходят концерты «Кино» в Москве, в УДС «Крылья Советов», где с принимающей стороны был Юрий Айзеншпис.

После выступления 14 ноября Цоя в Нижнем Тагиле «Кино» с 26 по 28 ноября выступает в Ленинграде, в СКК, после чего группа летит в Красноярск, где с 1 по 4 декабря дает аншлаговые концерты в ДС «Енисей» (ныне ДК имени Ярыгина).

Популярность «Кино» с каждым днем росла, и к концу 1989 года группа, устав от проблем, связанных с организацией концертов (Белишкин просто не справлялся, поскольку группа поднялась на уровень, который был на порядок выше его возможностей), решила сместить питерского менеджера на «более профессионального» – столичного. Белишкин покинул свой пост в декабре 1989 года (сразу после серии красноярских концертов), и ему на смену в начале 1990 года заступил Юрий Шмилевич Айзеншпис – известный впоследствии деятель шоу-бизнеса.

13 декабря Виктор с Наташей летят во Францию, где проводят рождественские праздники и посещают музыкантов Noir Desir. 24 декабря они возвращаются в СССР, и в конце месяца Виктор Цой и Юрий Каспарян улетают в США к Джоанне Стингрей.

В начале 1990 года Цой и Каспарян, приехавшие в Америку вместе с режиссером фильма «Игла» Рашидом Нугмановым, были приглашены в Парк-Сити, на фестиваль Sundance. Рашид приехал в Парк-Сити 18 января, Виктор и Юрий вместе с Наташей и Джоанной присоединились к нему чуть позже.

25 января 1990 года, после показа фильма «Игла», Цой и Каспарян дали концерт в главном зале фестиваля, кинотеатре Egyptian.

После выступления на фестивале Sundance Джоанне, которая в глазах американцев была продюсером группы, стали поступать коммерческие предложения. В частности, японские компании Little Magic Productions и Amuse Inc. выразили свою готовность заниматься группой «Кино» и инвестировать в ее раскрутку.

Как бы то ни было, сам Цой к такому вниманию зарубежных продюсеров отнесся спокойно, как к чему-то само собой разумеющемуся, не то чтобы желанному, но и не слишком неприятному. Для него это был обычный рабочий момент.

Мало кто знает, что отец киберпанка Уильям Гибсон, как выяснилось, даже собирался писать сценарий для фильма с участием Виктора Цоя. Об этом свидетельствуют его же собственные слова, приведенные в Интернет-блоге в начале марта 2003 года. Как вспоминал впоследствии Рашид Нугманов, продюсировать фильм намеревался Эдвард Прессман, который работал над всеми «Воронами», «Конаном-варваром», «Уолл-стрит», «Судьей Дреддом».

По возвращении из Америки в двадцатых числах февраля «Кино» начинает работу с новым менеджером группы Юрием Айзеншписом и путешествует с концертами по стране.

После завершения серии концертов Виктор Цой вместе с Джоанной Стингрей принял приглашение японских продюсеров и 30 апреля улетел в Японию. Как вспоминал Рашид Нугманов, компания Amuse Inc., которая вышла на Цоя и пригласила его в Токио, планировала международные гастролы «Кино» (в том числе и в Корею) вместе с одной из самых известных поп-рок-групп Японии Southern All Stars. Вернувшись, Цой и «Кино» в первых числах мая 1990 года начали летний гастрольный тур по стране, организованный Айзеншписом и Олегом Толмачевым. Он открылся 5 мая концертом в ДС «Олимпийский» в Москве.

Весной-летом 1990 года группа «Кино» совершила тур по городам Советского Союза.

13–14 июня 1990 года на большой спортивной арене рижского стадиона «Даугава» прошли концерты «Кино». На каждом побывало примерно 10 тысяч зрителей. Выступление продолжалось чуть больше 40 минут (на разогреве выступил коллектив «Т.В.И.Н.»). «Киношники» играли свою обычную по тем временам программу – 11 композиций из альбомов 1987–1989 годов: «Группа крови», «Пачка сигарет» и т. д. Дни были ветреные, и Цой сетовал, что «весь звук в сторону уносит». Кроме того, шум поездов, проходящих по расположенной в непосредственной близости от арены железнодорожной ветке, придавал звучанию особый колорит. Исполняя песню «Перемен!», Цой и не подозревал, насколько эти перемены близки...

24 июня 1990 года в Москве, в Лужниках, состоялся последний концерт «Кино». Он стал самым масштабным в карьере Цоя. 62 тысячи человек пели стоя вместе с ним. Музыкант очень устал, но был счастлив...

После этого группа берет тайм-аут на лето, и музыканты уезжают на отдых, запланировав на осень запись нового альбома, песни для которого были уже почти готовы.

* * *

Вот уже три года подряд Цой вместе с Наташей Разлоговой и детьми отдыхал в Плиеньице – старом рыбацком поселке, известном курорте Рижского взморья, находящемся недалеко от Юрмалы.

«Зелтини» – обычный сельский дом с печным отоплением и небольшим земельным участком. В нем, а точнее, в одной из его комнат (с отдельным входом), Виктор Цой проводил летний отпуск. По словам хозяйки дома, Виктор всегда говорил, что нигде ему так хорошо не отдыхается, как в «Зелтини». И неудивительно: за домом из желтого песчаника шел небольшой ряд сосен, а прямо за ними проглядывали волны залива. Там было необыкновенно тихо. Виктор очень ценил покой рыбацкого поселка.

В июле к отдыхавшему Цою присоединился Юрий Каспарян, и музыканты принялись за запись черновой версии нового альбома. Рядом с «Зелтини» был крошечный сарайчик с черепичной крышей. Именно в нем при участии Юрия Каспаряна была записана демонстрационная версия последнего альбома «Кино». Цой играл на гитаре и пел, Каспарян програм-

мировал драм-машину. Портастудия, пульт, усилитель с колонками – тот самый знаменитый набор, подаренный музыкантам «Кино» Джоанной Стингрей. Все это Каспарян привез в Латвию в багажнике своей машины.

13 августа 1990 года Виктор Цой и Юрий Каспарян завершили запись черновых набросков нового альбома. Запись, вопреки расхожему мнению, была сведена. Копия черновика на компакт-кассете находилась у Цоя в машине, в автомагнитоле, они часто ее слушали с Наташей и обсуждали странные тексты, появившиеся у Цоя.

14 августа 1990 года, около пяти часов вечера, Каспарян уезжает, увозя с собой портастудию, инструменты и оригинал сделанной записи. Цой остается с Наташей, ее сыном и Сашей.

Утром 15 августа 1990 года Цой встал около пяти утра, потихоньку вышел из дома, собрал удочки и уехал на рыбалку, в сторону Талси, на одно из лесных озер примерно в 15 минутах езды от дома.

Пробыв на лесном озере около пяти часов, Цой закончил ловить рыбу, собрался и поехал домой.

На 35-м километре трассы Слока – Талси, у моста через речку Тейтупе, есть поворот. Не доезжая до него, Цой по непонятным причинам выехал на встречную полосу. В этот момент из-за поворота выскочил «Икарус-250»...

Служебная. Москва, МВД СССР: 15 августа с. г. в 11:30 на 35 км дороги Слока – Талси Тукумского района Латвии водитель а/м «Москвич», гн Я 6832 ММ, Цой Виктор Робертович, 1962 г. р., прож. г. Ленинград, пр. Ветеранов, 99, кв. 101, отдыхающий в г. Юрмале, известный эстрадный певец, превысил скорость, допустил выезд на встречную полосу движения, где столкнулся со встречным автобусом «Сельхозтехники» Талсинского района, гн 0518 ВРН. Цой В. Р. на месте происшествия скончался. И. о. министра МВД Латвии Индриков. Прд Абрамовская.

Хоронили Виктора 19 августа 1990 года на Богословском кладбище Ленинграда.

После смерти Виктора сохранилась демозапись последнего альбома группы, сделанная Цоем и Каспаряном во время летних каникул в Плиеньциемсе. Музыканты планировали осенью записывать альбом на профессиональной студии («Мосфильм» или «Ленфильм»), сведение делать в Париже, а черновик должен был помочь музыкантам сэкономить студийное время. В итоге все было сделано так, как и планировалось, но уже без Цоя...

Несмотря на трагическую гибель лидера группы, тяжело переживаемую ими, музыканты «Кино» и администратор группы Юрий Айзеншпис все-таки смогли довести работу над альбомом до конца.

Группа не преследовала при этом никаких коммерческих целей – этот вопрос, по словам Тихомирова, их вообще не волновал. Они видели в этом свой долг перед Виктором, старались сделать все максимально быстро, потому что этот альбом поклонники группы ждали с огромным нетерпением. И конечно, после этого сама группа уже не могла существовать без своего лидера.

В декабре 1990 года альбом был представлен публике. Первое его прослушивание состоялось в Ленинградском рок-клубе. Презентация альбома, организованная Юрием Айзеншписом, прошла 12 января 1991 г. в Московском дворце молодежи.

«Кино» закончилось...

Через двадцать пять лет после смерти Цоя молодая журналистка Марина Ярдаева напишет: «Цой погиб. Однако моментально превратился в легенду. Жизнь Цоя моментально обросла самыми сверхъестественными подробностями, смерть – мифами, выдвигались вер-

сии – одна другой фантастичнее. В каждом его жизненном вираже стали различать печать трагичной предопределенности, в текстах – видеть только предчувствие конца. Но думается, что Виктор Цой все же был просто человеком. Ведь каждый из нас способен дотянуться до звезд, хоть и не каждый верит, что это не сон. Только пока одни мечтают, единицы дотягиваются. И хоть прошло уже двадцать шесть лет со дня смерти Виктора Цоя, пока в толпе кричат „Нам не дали петь!“ и „Попробуй тут спой!“, всегда найдется один, который позовет: „Попробуй спеть вместе со мной“».

И мы с вами его услышим.

Часть 2. Цой и его «Кино» 1979–1986

«Ракурс» и «Палата № 6»

В конце июля 1980 года Цой поступает в СПТУ-61, на специальность «резчик по дереву». По мнению преподавателей художественного училища, на эту специальность попадали одни разгильдяи.

Как бы то ни было, Цоя приняли в училище, откуда той же осенью, в сентябре, он поехал на сельхозработы в колхоз, где познакомился с гитаристом и певцом Сергеем Тимофеевым (группа «Берега»), который тоже сочинял симпатичные битовые песни. Вернувшись в Питер, они собрали в стенах училища группу «Ракурс», которая регулярно выступала на дискотеках.

Сергей Тимофеев, гитарист, певец:

«„Ракурс“ – это самая первая группа Цоя, до этого он ни в каких группах не играл. Это реставрационное училище, которое заканчивал, в том числе, и Кирилл Миллер. Цоя в это время выгнали из училища Серова, он поступил сюда на резчика по дереву. Я учился на альфрейно-живописной росписи. Так как я с восьмого класса занимался музыкой, то и пытался собрать группу. В колхозе мы и собрались. Стало ясно, что Цой играет на гитаре, на бас-гитаре – Сафoshкин, на барабанах – Толик Кондратюк, плюс разные сессионные приходящие музыканты. Репетировали, выступали на конкурсах по ДК. Записей нет, так как тогда немыслимо трудно было записаться. Пели мои и Цоевские песни. В то время в колхозе как раз он сочинил „Алюминиевые огурцы“, „Любит Вася диско, диско и сосиски“, „Я бездельник“. Тогда Цой прикалывался по песням типа „Люблю я макароны“ (перепевка итальянской песни по-русски), „Черная суббота“ группы „Мифы“ Геннадия Барихновского... Могу процитировать строчки припева, которые он написал для моей песни, которые никто не слышал, – тут проявилась вся его гениальность:

Зачем же жизнь беречь? Игра не стоит свеч,
Расстанься с ней без сожаления.
И все твои друзья забудут твою смерть,
Забудут твою смерть и день рождения...»¹

Параллельно Цой продолжает играть в группе «Палата № 6» вместе с Максимом Пашковым. Барабанщиком в коллективе был Анатолий Смирнов. К началу 1980 года Смирнов начал пропускать репетиции и концерты, поскольку в поисках приработка постоянно где-то халтурил. В этих случаях его подменял Владимир Дорохин, из группы с эксцентричным названием «Электрофрикционные колебания как фактор износа трамвайных рельс». Кстати, именно Дорохин сыграл в двух песнях альбома «Слонолуние», который «Палата № 6» записала дома у Пашкова, в Мучном переулке, используя два бытовых магнитофона.

В июне «Палата № 6» выступила на выпускном школьном вечере с чуть более известным «Пилигримом», в котором играли Дюша Михайлов, Алексей Рыбин, Олег Валинский и Борис Ободовский.

Антон Галин, друг юности Виктора Цоя:

¹ www.yahha.com

«Цой только-только начал на своей гитарке бренькать, что-то он там побренькивал... Он как раз пошел учиться в какую-то путягу, если я не ошибаюсь... Да, из „Серовки“ он отвалил и пошел... Резчиком по дереву. Все хвастался мне... Все время, помню, ходил с ножичком, что-то ковырял, объяснял, что-то резал нам. Что-то говорил там такое... Он тогда все время хохотал, удивлялся: вот, говорит, я там музыку играю, у него там какая-то другая группа была, о-о, так всем нравится, смешно».²

Осенью 1980 года «Палата № 6» распалась, потому что лидер группы Максим Пашков утратил интерес к занятиям музыкой. В результате Цой еще больше сблизился с компанией лидера панк-группы «Автоматические удовлетворители» («АУ») Андрея «Свиньи» Панова.

В начале 1981 года «Палата № 6» в последний раз выступила на сцене в общежитии СПбГТИ на улице Здоровцева, но уже той же весной группа окончательно перестала существовать.

² Из интервью автору – 2013 год.

Зима 1981 года. «На Москву»

Знакомство Виктора Цоя с Алексеем Рыбиным положило начало их тесному общению, и вскоре друзья вместе с группой «Автоматические удовлетворители» отправились в Москву на подпольные концерты, устроенные Артемием Троицким.

Андрей Панов, создатель и лидер панк-группы «Автоматические удовлетворители»:

«С великой наколки Майка поехали мы в Москву. К Троицкому. Майк до этого уже был там с Гробощенковым и еще с кем-то. Якобы как панк. И мы зимой семьдесят девятого, по-моему, поехали туда большой толпой давать концерты. Там Витя еще спел свою не очень удачную вещь „Вася любит диско, диско и сосиски“. Ну тогда все очень сильно были против диско. Хорошая музыка, как мне сейчас кажется. А мы там проканалы с переделанной вещью Макаревича „И первыми отправились ко дну“. Ну а Москва – город маленький, сразу все узнали, схватились за это: новые люди, новая музыка! И мы дали еще концерт в чьей-то квартире, а потом в каком-то мелком клубе. В общем, когда вернулись, оказалось, что и до Питера разговоры дошли».³

Алексей Рыбин, участник первого состава группы «Кино»:

«Музыкальная активность, которую развил Свин, естественно, не могла остаться незамеченной на сером фоне русской музыки начала восьмидесятых. Перестройку общественного сознания начал в 1980 году известный московский музыкальный критик Артем Троицкий... Кроме рок-н-ролла, его очень интересовала новая музыка, в частности панк. Он, конечно, вышел на Свина. Переговоры закончились тем, что Свину и компании было сделано приглашение в Москву на предмет исполнения перед публикой своих произведений... На подготовку этих грандиозных гастролей ушло недели примерно две. Было выпито умопомрачительное количество сухого вина, написана целая куча новых песен и записана магнитофонная лента под названием „На Москву!“ – хотел бы я знать, где она сейчас, – вещь была очень достойная. Когда запись была закончена и выбраны дни для поездки – суббота и воскресенье, поскольку все работали, а прогуливать боялись или не хотели, – стали думать и гадать, кто же поедет и кто на чем будет играть. Однозначно были „АУ“ – Свин, Кук и Постер, остальных вроде бы и не звали, но поехать хотелось многим, и Свин сказал, что все трудности с ночлегом и прочим он решит с Троицким сам и кто хочет ехать, может смело составить ему компанию. „Он звал „АУ“ – а может, у меня в „АУ“ сейчас десять человек играют – принимай, дорогой!“ – обосновал Свин свое решение...»⁴

Само собой, присоединиться к «АУ» решило довольно большое количество молодых людей из компании Свиньи, в том числе и Алексей Рыбин. На этих памятных концертах

³ А. Житинский, М. Цой. «Виктор Цой. Стихи, воспоминания, документы» СПб.: «Новый Геликон», 1991 год.

⁴ А. Рыбин. ««Кино» с самого начала». Смоленское областное книжное издательство «Смядынь». Редакционно-издательский центр А. Иванова «ТОК», 1992 год.

«АУ» Цой играл на басу и даже исполнил одну из своих песен, которая не произвела на аудиторию особого впечатления.

Алексей Рыбин:

«Первая песня Цоя была такая:

Вася любит диско, диско и сосиски...
В дискотеку Вася ходит каждый день...
В дискотеке Васю знает диск-жокей...

И что-то дальше в этом роде. Очень слабая песня. Да и вообще – и не песня, считай... Потом еще „Идиот“ был: „Я ненормальный человек и ненормально все вокруг...“ – вот эта вот вещь... Потом из этой песни сделан „Бездельник номер № 2“».⁵

Антон Галин:

«Все эти поездки со Свиньей в Москву несколько раз... Это все называется, я вот нашел слово в Интернете недавно, как у Гребенщикова, – квартирники все эти... Все это было по квартирам, десять человек каких-нибудь эстетов придет, посидит, похочет и уйдет. Примерно в то время все и познакомились с Липницким, Троицким... с московской такой же тусовкой. „Звуки Му“ – они же, в общем-то, так же начинали все, по каким-то квартирам играли... То есть среда формировалась примерно в одно время среди этих людей...»⁶

Здесь нужно упомянуть один момент. Сегодня воспоминания участников концерта разнятся. К примеру, Игорь «Пиночет» Покровский на пару с Андреем «Дюшей» Михайловым утверждают, что концерт «АУ» был не зимой, а летом, в то время как Алексей Рыбин, Артемий Троицкий и остальные вспоминают именно зимний концерт.

Алексей Рыбин:

«Был именно зимний концерт в большой компании и с кучей народу. У Рошаля. На квартире. Устраивал Артем. Да. Это был именно зимний концерт в большом составе: Свин, Цой, Валинский, я, Пиночет, Дюша, Панкер, Кук и Постер. Играли на квартире у Рошаля, а на следующий день выступали в каком-то подростковом клубе. Устраивал это все тоже Артем, а ночевали мы у его знакомой, которая работала в каком-то театре...»⁷

⁵ Из интервью автору – 2011 год.

⁶ Из интервью автору – 2013 год.

⁷ Из интервью автору – 2015 год.

21 марта 1981 года. День рождения Андрея Тропилло

По существующей легенде, на дне рождения Андрея Тропилло 21 марта 1981 года в ресторане «Трюм» на Крестовском острове Виктор Цой впервые исполняет на публике недавно написанную им песню «Мои друзья».

Однако нужно отметить, что на самом деле Цой выступал, скорее всего, 22 марта, причем уже в ресторане «Бриг» на улице Чайковского, поскольку 21 марта выступления «АУ» в ресторане «Трюм» не было.

Антон Галин:

«Я помню, я как-то к Цою пришел и помог ему с парой строчек... Он говорит: „Вот, помоги мне, пожалуйста, есть такая песня „Мои друзья“ всегда идут по жизни маршем, и остановки только у пивных ларьков“. Вот мы сидели с ним там, придумывали рифмы, это я как-то вот так помню... Но потом что-то разрулили и все. Ну и потом он стал уже ездить-ездить... А я уже поступил в театральный институт, мне вообще уже стало не до этого. Да, мне не очень было интересно все это, честно говоря, я и сейчас не очень. Я помню, еще тогда, когда встречались какие-то общие знакомые, то хохотали, что Цой популярен и кому-то нужен. Все говорили: „Во, Цой, ха-ха-ха“. Потому что никто не мог понять, кому это все надо, зачем и к чему».⁸

Михаил Дубов, музыкант группы «Автоматические удовлетворители»:

«Кстати, у меня на хате происходила премьера первой цоевской песни „Мои друзья всегда идут по жизни маршем“ в 1981 году... Это еще было даже до „Гарина и гиперболоидов“... Ко мне тогда завалилась вся тусовка во главе с Андрюхой, Витей, Артемом и т. д., предки откровенно о...ли...⁹ Один панк по кличке Ленин взял пионерский барабан, который у меня в углу лежал, и вот получился такой квартирник. Комната десять квадратных метров, можете себе представить, стоит письменный стол, диван, шкаф какой-то. Малюсенькая совсем комната, не в „хрущевке“, а в „брежневке“ даже. И там собралось человек пятнадцать, пара моих одноклассниц была, пили сухое вино, пиво. И вот тогда Цой исполнил песню „Мои друзья всегда идут по жизни маршем“. Потом я как-то приезжал к нему пару раз домой, мы обменивались записями. Он тогда жил у парка Победы. Мы же, собственно, все из одного Московского района, тогда еще города Ленинграда. Цой мне запомнился как спокойный человек, немного даже, можно сказать, вялый, такой весь в себе. Добрый он был, всегда откликался, когда что-то нужно было. Тогда все друг другу по домашним телефонам звонили, если что-то надо, никаких мобильных не было же. И он очень смешной был, мы же как бы панковская тусовка были: все с короткими стрижками, с булавками. А Витя носил тогда длинные волосы и говорил, что он хиппанк. С хиппи и панками вместе, в одном флаконе. Над чем мы очень сильно смеялись...»¹⁰

Андрей Панов:

⁸ Из интервью автору – 2013 год.

⁹ www.yahha.com

¹⁰ Из воспоминаний А. Дубова. – 2014 год.

«Как-то Цой раз приходит, играет новую песню – она есть в первом альбоме: „Мои друзья всегда идут по жизни маршем“. Это его если не вторая, то третья песня вообще. А ее довольно тяжело сделать, настолько все музыкально накручено. Помню, он говорил: мне, мол, нравится, что мы все у тебя встаем и с похмелья идем к пивному ларьку, даже зубы не чистивши. Не знаю, в чем здесь романтика, но очень многие так говорят. Потом еще песню сочинил, потом еще. Хорошие вещи. Они нигде не записаны...»¹¹

Игорь Гудков, друг детства Виктора Цоя:

«Первая песня, которую я услышал от Цоя, – „Когда-то ты был битником“, это было дома у Паши Крусанова, который снимал квартиру. И вот Цой там тогда ее сыграл. Она ужасно всем понравилась, и вот тогда выяснилось, что у Цоя есть еще песни».¹²

Евгений Титов, бас-гитарист «АУ»:

«„Мои друзья“ вообще про Свинью и его квартиру, когда Цой почти каждый день там тусовался в 1980–1981-м, и пивной ларек на проспекте Космонавтов еще недавно стоял на том же месте...»¹³

Что касается концерта на дне рождения Тропилло, то 21 марта дирекция „Трюма“ вообще всех выгнала. И как раз из-за поведения Свиньи и его товарищей. С самого начала они шокировали всех проходящих тем, что при входе имитировали акт коллективной мастурбации. Дирекция хотела сразу вызвать ментов, а самого именинника – Тропилло – не было, он только после девяти вечера приехал, когда уже ничего не происходило и Свинья с компанией уже свалили оттуда. И тогда Тропилло, которому было обидно, что он пропустил все веселье, договорился с рестораном „Бриг“ на следующий день, и всех, кто был в „Трюме“, пригласил туда. И вот там уже как раз и был концерт. Мне Тропилло рассказывал сам со слов гостей, что, типа, куда ты нас пригласил, и что это за дебилы были, которые встречали нас с порога с дикими воплями? Но он сам этого не видел, и ему было обидно. Потому он раскошелится на второй день банкета, чтобы уж точно ничего не пропустить...»¹⁴

Как упоминает Евгений Титов, Тропилло действительно опоздал на свой день рождения. В тот вечер ему пришлось задержаться на концерте группы «Мифы» во Дворце молодежи, где он выполнял обязанности звукорежиссера. Пропустив из-за своего вынужденного опоздания все самое интересное, Тропилло, разумеется, решил все повторить, и на следующий день арендовал зал ресторана «Бриг», где, собственно, уже и играли все желающие поздравить юбиляра. Кстати, сохранилась фотография с этого концерта, сделанная Валентином Барановским, талантливым фотографом, в ресторане «Трюм». Молодой, с небольшими юношескими усиками Цой сидит вытянув ноги рядом с дурачащимся Пановым и приятелями...

Всеволод Гаккель, рок-музыкант, виолончелист «Аквариума»:

¹¹ А. Житинский, М. Цой. «Виктор Цой. Стихи, воспоминания, документы». СПб.: Новый Геликон, 1991.

¹² Из интервью И. Гудкова. Программа «Культурный слой. Цой жив. Рок, 80-е». 2005 год, Пятый канал.

¹³ Из интервью автору – 2011 год.

¹⁴ Из интервью автору – 2014 год.

«Тропилло решил отпраздновать свое тридцатилетие, это прошло в два этапа. Первый был в ресторане „Трюм“ на Крестовском острове, куда он привез маленький аппарат и пригласил своих дружков-музыкантов. Но концерт не получился, потому что соседи сверху вызвали ментов, нам пришлось отключить аппарат и молча напиться... Потом он договорился в ресторане гостиницы „Нева“ на улице Чайковского. Он гулял на широкую ногу и всех поил шампанским, а выступали „Автоматические удовлетворители“ и Цой. Так был заложен фундамент новой волны...»¹⁵

Андрей Тропилло, звукорежиссер:

«Я родился 21 марта 1951 года. 21 марта 1981 года в ЛДМ был большой концерт группы „Мифы“, грандиозное событие... Закончился этот концерт в полдесятого вечера. А у меня был друг, Саша Разумов, мы с ним родились в один день. Он работал барменом в гостинице „Астория“. И мы с ним договорились, что мы на пару снимем ресторан „Трюм“, только пока он там будет развлекать гостей, я подойду после концерта. Концерт задержался, и когда я пришел, было уже почти десять вечера. Неожиданно выяснилось, что играть можно только до десяти, потому что дом, в котором был ресторан, заселен какими-то старыми коммунистами, которые уже стали милицию вызывать. Но мы все равно начали немного играть. На мой день рождения пришел коллектив „АУ“, в котором на бас-гитаре играл Виктор Цой. Тогда они, правда, назывались еще не „АУ“, а группа „Х...й“. Вот именно так. Никакого „АУ“ еще не было. Это потом оно появилось... На ударных у них был сегодняшний директор Октябрьской железной дороги. Присутствовало очень много разных людей, Гребенщиков, Майк, Троицкий, и всякие иные.

Когда я пришел туда, мне мой приятель Разумов говорит: „Ты знаешь, что они делали?“ И рассказывает мне, что вот Свин, Цой, Швед и еще пара человек сели в круг и дрочили. А гости-то были не только мои, но и товарища-бармена, и они были шокированы просто. Не знаю уж, дрочили ли они по-настоящему. Просто посреди зала, чем ввели народ просто в состояние ступора. И гости стали меня стыдить, типа, ты что делаешь. В общем, мы решили просто перейти в другой зал. А у этого Саши был друг в ресторане „Бриг“, а „Бриг“ – это на улице Чайковского, недалеко от Большого дома. Там сейчас находится гостиница „Индиго“... Такая жирная... Так вот именно там потом и состоялся второй день концерта, на котором, кстати, Цой играл на ударных инструментах. Это был единственный раз, когда я видел его за ударными. Но это было. И пел он песню „И в окне моем не горит свет...“ Гребенщиков спел в таком некоем стиле китч, с завываниями песню „Москва златоглавая“. И после нее Троицкий сказал Гребенщикову, что вот-вот, мол, эта шпана сотрет тебя с лица земли».¹⁶

Именно на этом концерте Цой, сыгравший «Моих друзей», неожиданно получает признание от Артемия Троицкого, который в ходе московских гастролей «АУ» не обратил на него никакого внимания. Но тут песня так подействовала на него, что Артем потом везде о ней рассказывал, в том числе и Борису Гребенщикову, предрекая: «Вот та молодая шпана, что сотрет вас с лица земли». Цой же, по словам Алексея Рыбина, взбодрился после похвалы Артема и начал работать над новыми песнями.

¹⁵ В. Гаккель. «Аквариум как способ ухода за теннисным кортом». СПб.: Новый Геликон, 2005.

¹⁶ Из воспоминаний А. Тропилло – 2016 год.

Андрей Панов:

«А потом нас пригласили в ресторан „Трюм“ на тридцатилетие Тропилло. „АУ“ все пришло, и с нами, естественно, Витя, поскольку мы все время вместе болтались. И как сейчас мне кажется, была тогда у Гробощенкова мысля „АУ“, ну, что ли, пригреть – все-таки новые люди, молва такая... А поскольку я вел себя там отвратительно, о чем очень жалею, и на всю катушку дурака валял, то он, видимо, поостерегся. Мы там поиграли, а потом Витя спел какие-то свои темы. У него к этому времени накопилось вещей пять. И Гробощенков, очевидно, понял: вот кого надо брать. И правильно, кстати, понял. И с тех пор Витя приходил ко мне все меньше и меньше, говорил, что все время у БГ находится. И потом, когда уже у него был первый концерт в рок-клубе, я к нему даже после не подошел, потому что Вите это уже было не надо и, я думаю, даже претило его понятию. Я это без обиды говорю. Просто он прошел этот период – и идиотства, и информационной накачки. У него уже был другой круг знакомых. Я сам прекрасно понимал обстановку, что я, в принципе, уже не нужен, там трамплин гораздо выше. Но это было потом. А вообще, пока Витя не стал большим человеком, он был, в общем-то, очень смешной парень».¹⁷

¹⁷ А. Житинский, М. Цой. «Виктор Цой. Стихи, воспоминания, документы». СПб.: Новый Геликон, 1991.

Весна 1982 года. Рок-клуб

К началу 80-х годов в СССР сформировалось полноценное рок-движение, которое власть даже поддерживала, не желая провоцировать протестную стихию. Так, по государственной инициативе в 1981 году был открыт ставший настоящей легендой первый в Союзе Ленинградский рок-клуб.

Разумеется, Цой, Рыбин и Валинский решили вступить в рок-клуб, членство которого давало хоть какие-то возможности более-менее официально выступать перед публикой. 26 сентября 1981 года они подали заявку на членство.

Отрепетировав всю программу еще раз, 29 сентября группа довольно успешно показала себя перед приемной комиссией совета ленинградского клуба любителей рок-музыки и, ответив на ряд идеологических и других вопросов, 30 января 1982 года была принята в рок-клуб.

Владимир Рекшан, музыкант:

«Весной 1982 года, когда я пришел в рок-клуб на концерт, о будущих потрясениях и речи не шло. Зал Дома народного творчества предназначался для театральных постановок, и отличались клубные концерты отвратительным звуком. Половину концертов народ проводил в буфете, где продавались пиво, кофе и мелкая закуска. Я обычно приходил на Рубинштейна, чтобы встретить знакомых и поболтать, проявив таким образом причастность к определенной социальной группе. Постоянно появлялись новые люди, и, если ты планировал продолжать сценическую деятельность, следовало держать нос по ветру. Никого не встретив в буфете, я отправился в зал и сел в партере, услышал, как объявили дебютантов: „Группа „Кино“!“ Несколько человек в зале вяло захлопали в ладоши. На сцене появился сухопарый монгол в рубаше с жабо, сделал сердитое лицо и заголосил. Монгол оказался Цоем. Рядом с ним на тонких ножках дергался славянин, и оказался он Алексеем Рыбиным, Рыбой. Откуда-то из-под сцены периодически вылезал БГ с большим тактовым барабаном и исчезал обратно. „И что они этим хотели сказать?“ – несколько надменно подумал я, забыв, что и сам двенадцать лет назад выбегал на университетские подмошки босиком...»¹⁸

Илья Смирнов, организатор первых концертов «Кино»:

«Нужно помнить, что Цой пэтэушник. И что он начинал свою карьеру среди ленинградских панков, тоже вполне пэтэушных, которые назывались „звери“ и в свободное от хулиганства время как бы музицировали в манере Sex Pistols. Наследием этого периода стали песни в репертуаре „Кино“: „Мама – анархия“, „Звери“ и „Мои друзья“. Цоя уже с новым составом „Кино“ в рок-клуб сильно засасывало. Но ведь не засосало. Потому что рок-клубовская тусовка, где „каскадеры на панели играют в Запад“, не была единственной референтной группой. Параллельно существовало рок-движение со своей системой ценностей. На подпольных концертах не оценивали музыканта по покрою штанишек. Некий коллективный разум, всесоюзный худсовет, рассредоточенный по сотням квартир, красных

¹⁸ Из воспоминаний В. Рекшана – 2013 год.

уголков, домашних студий звукозаписи, ухитрялся распознавать в море наивной самодеятельности „искру электричества“ и потом поддерживать, чтобы талант не деградировал, а развивался, с ошибками, с конфликтами, с бытовыми неурядицами, но своим неповторимым путем...»¹⁹

Виктор Цой:

«Первый концерт в рок-клубе, в 81 году, мы играли в таком составе: я и Рыба, барабаны – звучала фонограмма электрической ударной установки, Миша Васильев (из „Аквариума“) играл бас, а Дюша (Андрей Романов, также „Аквариум“) – клавишные. Концерт прошел ровно, понравился и нам, и публике...»²⁰

¹⁹ И. Смирнов. <http://www.svoboda.org/a/2126634.html>

²⁰ В. Цой. «Краткая история «Кино». «Рокси», 30.11.1983 года.

8 февраля 1982 года. Москва, клуб имени Рокуэлла Кента. Мифи. «Аквариум» / «Кино»

Алексей Филин, вице-президент клуба МИФИ:

«К сожалению, ничем, кроме воспоминаний, поделиться не могу. Ни записей, ни снимков концерта Цоя и Рыбина в МИФИ не сохранилось: их просто не делали. Это вообще был не целый концерт, а только второе отделение концерта. Дело было так. Мы организовали в Клубе РК МИФИ, в котором я был тогда вице-президентом, концерт „Аквариума“. Это был, если я не ошибаюсь, третий концерт Гребенщикова в нашем Клубе – полный электрический состав. Первое отделение отыграл „Аквариум“, а после перерыва „Аквариум“ на сцену не вышел, Боря подошел к микрофону и сказал что-то типа: „А теперь я хочу представить вам очень интересных ребят из Питера“, – после чего удалился, а на сцену поднялись Цой и Рыбин. Для меня и других организаторов это был полный сюрприз. Как и для зрителей. Это было, насколько я понимаю, первое выступление Цоя в Москве, на тот момент никто не слышал его имени, в зале поднялся недовольный гвалт: народ пришел на „Аквариум“, а не на какого-то неизвестного паренька с гитарой. Однако ропот прекратился после первых же аккордов. Цой заиграл „Электричку“, завел зал с пол-оборота. Это был второй сюрприз для меня: ни до, ни после я никогда не видел, чтобы неизвестный исполнитель неизвестной песней с пол-оборота завел зал...

Наверное, лучше всего тот концерт можно охарактеризовать выражением „бешеная энергетика“. Короче говоря, вторая половина концерта прошла, пожалуй, даже более удачно, чем первая.

Пообщаться с Витей мне тогда не удалось: на традиционных посиделках после концерта Витя был молчалив, на вопросы отвечал односложно и особого желания общаться не проявил, а там было много забавных любителей поболтать: сам БГ, Илья Смирнов, Тема Троицкий, Саша Липницкий и прочие.

Сам я от творчества Цоя никогда не фанател: мне все его песни казались простоватыми и в музыкальном, и в поэтическом плане. Поэтому, когда я организовывал Черноголовский рок-фестиваль в 1987-м (Первый всесоюзный рок-фестиваль), я Цоя вообще не пригласил... Меня, как я позже выяснил, Цой вообще не запомнил – при следующей встрече на концерте памяти Саши Башлачева в Лужниках нас знакомили снова, правда, тогда Витя уже заматерел и почувствовал себя звездой.

Больше я с Цоем не встречался и вряд ли смогу что-то добавить.

P. S. Мои воспоминания вполне могут слегка отличаться от реальности в деталях, все-таки 32 года прошло: тот концерт случился как раз ранней весной 1982-го... А вскоре после этого концерта (но не в связи с ним) Клуб разогнал КГБ, и я реально пообщался с нашими доблестными органами».

Из воспоминаний:

«Цой с Рыбой выступали в подвале общаги, пятый корпус, поселок Москворечье. Можно было спуститься в подвал из комнаты, в домашней одежде, перед этим пить, в подвале вроде не пили, своим опасно, хотя

многочисленная модная публика приносила портвейн в авоськах, стильно. В подвале бывал перед этим и Майк, и Рыженко, и Боря, и Боря попел в Моспроекте. Кассету „Кино“ уже крутили. Стало удивительно, что Цой – двухметровый кореец, из песен представлялось другое.

Потом осень 1982-го, начало четвертого курса, пили много, общались с ненадежными личностями, много учились, группа престижная, но не для общажных, начальная стадия алкоголизма, безнадежность, биофизики из общаги распределялись изучать поля естественной радиации в тайгу под Сыктывкаром.

Цой пел:

Мне все равно, работать где и кем,
Мне все равно, когда и что я ем,
Мне все равно, проснусь я или нет,
А мне всего лишь двадцать лет.
Папа, твой сын никем не хочет быть.
Его надо убить.

Близкое. На концерте или после сказали, что это третий концерт за историю существования „Кино“ (до этого же еще были „Гиперboloиды“). Тогда Цой был свой, панковский условно, Цой одного-двух первых магнитоальбомов, Цой стадионный потом – совсем чужой...»²¹

²¹ Из воспоминаний А. Филина.

3 апреля 1982 года. Концерт в ленинградском рок-клубе

В апреле 1982 года руководство Ленинградского рок-клуба предложило «Кино» выступить на концерте молодых групп. С помощью музыкантов группы «Аквариум» было исполнено семь песен.

Всеволод Гаккель:

«Я помню один из первых концертов группы „Кино“ в рок-клубе с Рыбой на костылях при участии Боба с чудовищной драм-машинкой. Это был кошмар, полный хаос, ничего не слышно. Впрочем, в этой дурости что-то было. Все так или иначе относились к этому как к игре, и никто не судил друг друга. Но я считаю, что, если бы эти двое ребят вышли бы просто с двумя гитарами, это было бы во сто крат лучше. Но в то время они находились „в лапах“ Боба...»²²

²² Из интервью В. Гаккеля. <http://soundrussia.ru/post?id=4682>

25 июля 1982 года. Москва. Концерт у Александра Липницкого

Александр Липницкий, музыкант группы «Звуки Му»:

«Жаркие дни лета 1982 года. „Кино“ уже гремит: альбом „45“ успешно конкурирует в Москве с самим „Аквариумом“. 25 июля я устраиваю группе домашний концерт, пригласив московских художников и музыкантов. Хорошо накрытый стол стимулирует дуэт наших гитаристов, и песня „Лето“, на мой вкус, никогда не была так сильно спета, как в тот день».²³

В городе плюс двадцать пять – лето!
Электрички набиты битком,
Все едут к реке.
День словно два, ночь словно час – лето!
Солнце в кружке пивной,
Солнце в грани стакана в руке.

Девяносто два дня – лето!
Теплый портвейн,
Из бумажных стаканов вода.
Девяносто два дня – лето!
Летний дождь наливает
В бутылку двора ночь.

²³ А. Житинский, М. Цой. «Виктор Цой. Стихи, воспоминания, документы». СПб.: Новый Геликон, 1991.

Октябрь 1982 года. Выступление в Москве в красном уголке ЖЭК

Илья Смирнов:

«К примеру, концерт в жэковском красном уголке... Маленький зал в полуподвале человек на 70 при конторе, которая сейчас называется „управляющая компания“, а тогда — „жилищно-эксплуатационная“, пенсионеры там собирались по праздникам, ну и такие, как мы. Иногда. Так вот. Поют Рыба и Цой и, по-моему, Петр Трощенко на ударных. Из заднего ряда вдруг раздаются джазовые рулады, явно издевательские по отношению к выступающим. Я говорю: „Кто привел сюда Пономареву и еще напоил?“ А это оказалась Олеся Троянская, героиня московского хиппизма, в окружении всей своей бригады. Исключительно безобидной. Один Миша Реалист чего стоил. Утюг на проволоке в качестве кистеня. Мы их убедили не мешать. Зато по окончании концерта они полезли на сцену: что это вы привезли за эстраду ленинградскую? Вот вам сейчас Олеся споет по-настоящему „Карломарксовый портрет“». ²⁴

²⁴ И. Смирнов. «Свобода», 7 июня 2012 года.

Конец 1982 года. Запись в ленинградском МДТ

В конце 1982 года группа «Кино» решает записать накопившийся новый материал.

Алексей Рыбин:

«Витка продолжал писать, и материала для второго альбома у нас уже было более чем достаточно. Теперь, когда мы разделили обязанности и всеми административными вопросами стал заниматься я один, мой товарищ начал наседать на меня и все чаще и чаще требовал, чтобы я поскорее подыскал студию для новой записи».²⁵

Поскольку Андрей Тропилло был очень занят работой с группой «Аквариум» и не имел возможности уделить время «Кино», Гребенщиков предложил Рыбину самостоятельно найти студию для записи и даже снабдил его многочисленными телефонами знакомых звукорежиссеров. В конце концов после долгих поисков Алексею повезло, и он нашел студию звукорежиссера Андрея Кускова в МДТ. На барабанах группе помогает Валерий Кирилов, впоследствии ставший барабанщиком «Зоопарка».

По воспоминаниям Алексея Рыбина, запись всех песен альбома прошла быстро и складно: практически за несколько часов вполне прилично записали болванки четырех песен. Кирилов, который до этого не был знаком ни с музыкой «Кино», ни с Рыбиным и Цоем, оказался опытным барабанщиком, поэтому легко попал в нужный ритм. Однако, несмотря на такую легкость и гладкость, судьба записи оказалась довольно трагикомичной, ее не довели до конца по следующим причинам: Цою вдруг разонравились студия, звук барабанов и вообще сама идея. После записи Виктор забрал ленту с собой, сказав, что на этом следует остановиться, и спрятал ее «в стол».

Я сижу в кровати, только что из ванной, с мокрой головой.
На улице мороз, и рано, как ни странно, я пришел домой.

За стенкой телевизор орет,
Как быстро пролетел этот год,
Он так похож на прошлый год,
Я в прошлом точно так же
Сидел один, один, один...
В поисках сюжета для новой песни.

Я не умею петь о любви,
Я не умею петь о цветах,
А если я пою, значит, я вру...
Я не верю сам, что все это так.

За стенкой телевизор орет,
Как быстро пролетел этот год,
Он так похож на прошлый год,
Я в прошлом точно так же
Сидел один, один, один...

²⁵ А. Рыбин. ««Кино» с самого начала». Смоленское областное книжное издательство «Смядынь». Редакционно-издательский центр А. Иванова «ТОК», 1992 год.

В поисках сюжета для новой песни.

Алексей Рыбин:

«К сожалению, эту запись мы так и не довели до конца: Витьке вдруг разонравилась эта студия, звук записанных барабанов, хотя, на мой взгляд, он был вполне достойным. Мы собрались в Малом драматическом еще раз, записали голос, и Витька, забрав ленту себе, сказал, что пока на этом остановимся. У него не было настроения писать дальше, это было заметно. Отношения наши продолжали оставаться превосходными, он сказал, что просто устал и ему нужно сосредоточиться, чтобы записать полноценный альбом. А пара песен из записи в Малом драматическом потом так никуда и не вошла».²⁶

Валерий Кирилов, музыкант группы «Зоопарк»:

«Моя учеба шла по накатанным рельсам. Сокурсники оказались веселыми парнями, я завел массу интересных знакомств и озаботился изготовлением барабанов. Бабушка прислала мне из Литвы на покупку инструментов огромную сумму – 1500 рублей. Я купил подержанное пианино „Красный Октябрь“, а барабаны решил изготовить на заказ. Мастер, который их делал, жил за городом и был подвержен запоям; я же по простоте душевной имел неосторожность заплатить ему всю сумму заранее. И вот теперь мне приходилось еженедельно мотаться на электричке к нему в Рыбацкое, так как метро там еще не было. Наконец барабаны были готовы. Красивые, прозрачные (из оргстекла), они и звучали здорово. Кстати, именно на них я писал музыку с Рыбой и Цоем. Почитать о той записи можно в Лешкиной книге „Кино“ с самого начала“, а качество звука оценить на альбоме „Неизвестные песни Виктора Цоя“. Работы не было, и пришлось было мне собираться преподавать школьникам ксилофон и малый барабан, как тут произошло странное событие, которому я не придал тогда никакого значения. Мне позвонил незнакомец, назвался Рыбой и попросил записать с ним и его приятелем Витей несколько песен на внезапно подвернувшийся студии МДТ.

Кто это такие, я не имел ни малейшего представления, но мне было достаточно того, что они сказали гордо: „Мы играем биг-бит!“

Я согласился, и в назначенный час Леша с Витькой подъехали ко мне. Мы быстро спустили сложенную заранее установку вниз, затолкали ее в машину, с большим трудом влезли сами и покатали на улицу Рубинштейна, в театр. Уже в машине я уточнил некоторые детали и еще раз спросил:

– Так что играете-то?

– Биг-бит! – с заднего сиденья ответил придавленный бочкой Цой.

На студии я быстро расставил инструменты, и, пока инженер обвешивал их микрофонами, Цой наиграл мне приготовленные к записи песни. Я показал ему по несколько ритмических рисунков к каждой из них; он выбрал понравившиеся, разобрались с бреками, вступлениями и формами, а потом быстро записали болванки. Вернее, я не знаю, как назвать то, что мы записали. Рыба играл подобие первой гитары, Цой играл вторую, баса не было, а голос писался сразу – то есть все тогдашние законы

²⁶ Там же.

звукозаписи были нарушены. Партия бас-гитары была наложена Шурой Храбуновым („Зоопарк“, первая гитара) много позже, почти десять лет спустя! А тогда мы взяли голым энтузиазмом и наглой молодостью. При записи „Последнего Героя“ я был совершенно заворочен ритмом этой песни, поэтому она получилась сразу же. Примечательна история моей барабанной партии песни „Весна“. Майк написал „Лето“, песня для Цоя, и позже, когда я уже играл в „Зоо“, Майк неизменно требовал, чтобы в „Лете“ на всех концертах мною игралась та самая партия из Цоевской „Весны“. Ложилось замечательно, поэтому я не возражал, хотя каждый раз в душе хихикал при ее исполнении.

В студии Витя работал быстро и уверенно – если он и волновался немного, так это внешне было не заметно, а в „Поисках сюжета“ некоторое волнение добавило остроты и небольшой оттенок нервозности. К сожалению, у меня не сохранилась вторая половина этой песни (ее случайно отгрызла кошка Киса), и на той записи она внезапно обрывается. Как и Витькина жизнь... Для них это была первая запись в профессиональной студии, и я рад тому, что был с ними тогда. По окончании смены мы втроем сидели в аппаратной и слушали материал. На магнитофоне мигала лампочка секундного метража, и Цой внимательно смотрел на нее... Пользуясь случаем, я попросил инженера сделать мне копию всей записи. Ту самую. В принципе, Леша Рыбин довольно точно описал эту запись в книге „Кино“ с самого начала“. Действительно: ну позвонили, ну приехали, ну записали... Вот только Рыба забыл написать о том, что, помимо оператора, за тем действием наблюдала фигуристка Марина Кожевникова, которая приехала в студию вместе с нами. После записи я остался на улице с Мариной и кучей тяжелых барабанов. Посреди ночи, без всяких шансов поймать такси. Рыба с Цоем моментально куда-то испарились после выхода из студии...

Много лет спустя Майк мне рассказал куда. Они заявили к нему среди ночи хвастаться своей первой студийной записью и заставили бедного Майка ее внимательно прослушать.

„Помню, я сонный ее слушал, я сначала не хотел им совсем дверь открывать, но Наталья настояла. Спросил, кто барабанил, а они сказали, что Женя Иванов из „Пепла“ им присоветовал какого-то кренделя, я не помню, чтобы тебя до того раза слышал. Но похвалил, Кирилл! Запись их похвалил!“

В то время Майк опекал Цоя, и тот отвечал ему благодарностью, многие это помнят...

Позже Майк познакомил Виктора с БГ, сдал, так сказать, с рук на руки.

Через несколько лет Майк, Цой, Буйнов и я стояли в служебном буфете „Лужников“ во время совместного концерта. Буйнов рассказал какую-то байку (он на это дело мастер), я же в ответ поведал ему о том, как „Зоо“ участвовал в совместном концерте с Глызиным (бывали в те времена такие чудеса), где выступал парень, загримированный под Буйнова, („Веселые Ребята“ тогда только разошлись), и я стоял в полном недоумении от увиденного глюка...

То был концерт, посвященный памяти Саши Башлачева. Нечто странное сквозило в воздухе в тот вечер. Казалось, что все насыщены энергией необъяснимой тоски и неопределенности. Я не помню, чтобы кто-нибудь общался друг с другом так, как это делали мы. Все ходили как

вареные. Не могу сказать, что игралось на том концерте. Меня так вообще весь день преследовала мысль: „Кто следующий, кто?“ Я вглядывался в лица музыкантов, и этот вопрос то терялся в сознании, то отчетливо проступал, как тошнота с похмелья. В тот день я отчего-то так и не сказал Витьке, что запись сохранилась у меня...»²⁷

По счастливому стечению обстоятельств именно Кирилов сохранил копию этой записи, только одна песня «В поисках сюжета для новой песни» оказалась оборвана на полуслове. Кошка Кирилова размотала и сжевала часть пленки. Вот так «коту под хвост» пропало 11 метров записанной ленты... Впоследствии запись была издана в 1992 году по инициативе Марианны Цой на грампластинках Петербургской студией грамзаписи, а позже переиздана в 1996 году «Мороз рекордз» на диске «„Кино“. Известные песни».

²⁷ Из воспоминаний В. Кирилова – 2012 год. https://vk.com/topic-44903339_27446225

4 января 1983 года. Квартирник в Москве у Владимира Левитина

Как-то Свинья, впервые приехав в Москву (а-ля молодой ковбой), пришел в «Салун Калифорния» на Самотеке и, распахнув дверь «учреждения» ногой, заявил: «Ну вы, б..., я Свинья, мы на гастроли приехали!» В ответ он услышал: «А я Хозяин. Но ты, б..., можешь звать меня просто Лелик». Этот Лелик – в миру Леонид Россиков – (обладавший внушительным ростом и развитой мускулатурой) стал как бы телохранителем Свиньи, который, будучи настоящим панком, постоянно влипал в истории.

И вот на квартирнике в Москве у Владимира Левитина Цой, игравший с Рыбой, случайно столкнулся со Свином, с которым к тому моменту Цой уже почти не общался. Крепко выпивший Панов начал обвинять одетого в довольно неоромантический наряд Цоя в «мажорстве» и даже назвал его «сопливой эстрадой». Цой же парировал словами: «А ты все дерзаешь? Ну-ну, дерзай», – и похлопал того по щеке. И едва не попал под удар Лелика, который расценил движение Цоя как нападение на Свиню. Конфликт конечно же был улажен, но Свин неоднократно потом упрекал Цоя и Рыбу в «мажорстве», что вызывало у них жгучее раздражение, не меньшее, чем когда их называли панками, которыми ни Цой, ни Рыба себя не считали.

Илья Смирнов:

«Случались и от своих неприятности. Один из первых их концертов еще с Рыбой на квартире у замечательного человека Попова, который на самом деле был студент Плехановского института Володя Левитин... Мы старались шифровать людей, особенно связанных с распространением билетов и с журналом. Я знал его настоящую фамилию, а многие искренне полагали, что он Попов, а, например, студент МИМО Саша Лукин, ныне большой специалист по Китаю, был Матвеев – „что тот евангелист, что этот“, как сказал бы Б. Брехт. Художнику Юре Непахареву даже звонили на завод, где он работал, и просили Хипова к телефону...»

Так вот, на тот квартирный концерт заявили ленинградские делегаты всесоюзного съезда панков на Самотеке, Свинья и Нехороший, очень обиженные на Рыбу и Цоя за измену своему грязному делу, не простившие Цою предательского знакомства с Гребенщиковым, и, увидев неоромантические наряды, совсем озверели... И с хиппи тоже возникали проблемы».²⁸

²⁸ И. Смирнов. «Свобода», 7 июня 2012 года.

19 февраля 1983 года. Концерт в ленинградском рок-клубе

Запланированный рок-клубом концерт состоялся 19 февраля 1983 года. Новые песни «киношников» были отрепетированы в электричестве, и на этот раз «Кино» обошлось без помощи коллег из «Аквариума». Хотя, по мнению некоторых, спешка и несыгранность сильно подвели ребят.

Алексей Рыбин:

«Тот зимний рок-клубовский концерт „Кино“ – „Аквариум“ оставил у меня самые приятные воспоминания, и у большей части моих друзей тоже. Единственным темным пятном была едкая рецензия в рукописном журнале „Рокси“: там говорилось, что то не так, это не так, у Рыбы, мол, ширинка на сцене расстегнулась и вообще, мол, концерт был поганый. Почему поганый, я из статьи так и не понял.²⁹ Мы играли первым номером – расширенный состав „Кино“: мы с Витькой, Каспарян, Макс и приглашенный в качестве сессионщика джазовый барабанщик Боря, мой старый знакомый. Марьяша в этот раз постаралась от души, и наш грим, я уж не говорю о костюмах, был просто шокирующим. Ансамбль звучал достаточно сыгранно, Витька играл на двенадцатиструнке, мы с Каспаряном дублировали соло, и звучало все, кажется, довольно мощно. В отличие от традиционных красивых поз ленинградских старых рокеров, мы ввели в концерт уже откровенно срежиссированное шоу – я иногда оставлял гитару и переключался на пластические ужасы – например, в фантастической песне „Ночной грабитель холодильников“ я изображал этого самого грабителя:

Он ночью выходит из дома,
Забирается в чужие квартиры,
Ищет, где стоит холодильник,
И ест...³⁰

Марьяна Цой, супруга Виктора Цоя:

«Это был второй электрический концерт группы в ее жизни. Первый состоялся почти год назад и, как положено первому блину, вышел комом. Второй ком тоже вышел блином... Рядом стоял его приятель, который почему-то решил, что он бас-гитарист. С таким же успехом это могла сделать я или первый попавшийся водопроводчик. Я уже не помню, кто там был на барабанах, помню только, что весь состав на сцене Цою не помогал, а ужасно мешал, и, несмотря на все Витины страдания, ничего хорошего не получилось».³¹

Николай Мейнерт, журналист, рок-критик:

²⁹ Из воспоминаний В. Шестерикова.

³⁰ А. Рыбин. «„Кино“ с самого начала». Смоленское областное книжное издательство «Смядынь». Редакционно-издательский центр А. Иванова «ТОК», 1992 год.

³¹ А. Житинский, М. Цой. «Виктор Цой. Стихи, воспоминания, документы». СПб.: Новый Геликон, 1991.

«Я был на зимнем концерте „Кино“ в рок-клубе в 1983 году. С моей точки зрения, это был абсолютно провальный концерт, и Цой очень переживал по этому поводу. Я помню, каким несчастным он выходил за дверь. Потому что у них вся эта программа разваливалась, она какая-то не цельная у них, эклектичная, не хватало ни представления, ни опоры, ничего из того, что могло бы произвести на зрителя впечатление, не было. После этого выступал „Аквариум“, который конечно же подавил их полностью.

Мнения после этого концерта были действительно разные, это уже сейчас вот репутация „Кино“ наложилась на впечатления постфактум. Потому что если посмотреть на это сейчас, то можно сказать: ерунда. Потому что „Кино“ стало – о-го-го. А тогда все было гораздо серьезнее. Поэтому это была действительно неудача, и я думаю, что эта неудача была внутренне логично объяснимой. У Цоя к тому времени был конфликт с Рыбиным и другие неурядицы...

Сам концерт, конечно, запомнился, я впервые тогда увидел „Кино“, приехал из Таллина, меня пригласил на этот концерт Рихо Бауман, я помню, что концерт перенесли, мне позвонил Ордановский, предупредил об этом... Конечно, приехали мы все на „Аквариум“, я помню, как „Кино“ начало этот концерт, но запомнилась мне только одна песня – „Ночной грабитель холодильников“. Единственная. Все остальное было вяло и невразумительно. И самое главное, я помню выходящего после концерта Цоя с гитарой в руках, мы к нему подошли, спрашиваем: ну как? А он так в сторону рукой: „А-а-а...“ То есть было очевидно, что он концертом недоволен. По крайней мере, такое впечатление создалось при взгляде со стороны. Поэтому лично я думаю, что считать этот концерт удачным, даже по меркам тех дней, можно только с очень большой натяжкой...»³²

Андрей Воронов, фотограф в Ленинградском рок-клубе:

«Я регулярно присутствовал на концертах рок-клуба в начале 80-х, выполняя по просьбе моего друга, тогдашнего администратора клуба Татьяны Ивановой, обязанности фотографа. Выполнял с удовольствием. Кроме того, люблю музыку всю жизнь. Но этим мое участие и ограничивалось. Я редко участвовал в тусовках и редко общался с музыкантами вне концертов. Исключением был лишь один эпизод с „Россиянами“, с командой Жоры Ордановского.

Что касается концерта 19 февраля 1983 года, где я сделал несколько фото выступления „Кино“, я помню, что группа была представлена как дебютант после выступления „Аквариума“. И конечно, по сравнению с гигантами типа Гребенщикова, Курехина, Ляпина и прочих в тот раз они не произвели какого-то особого впечатления. Но только в тот раз...»³³

Алексей Рыбин:

«Смотрю сейчас на эти Витькины фото раннего периода: бархатные красные штаны, идиотские сапоги и темно-красная рубаша, длинные волосы и вот эта совершенно дурацкая панк-рокерская поза – и понимаю, что потом из его творчества напрочь исчез, ушел юмор. Который был изначально.

³² Из интервью автору – 2015 год.

³³ Из интервью автору – 2016 год.

Без которого рок-музыка не может существовать, превращается в унылую громкую попсу. В попсе ведь нет юмора. Там все очень серьезно. А юмор в музыке – это не шутки-прибаутки. Это неожиданные сочетания нот, это текстовые „штучки“, это всякие неожиданности. Они и ушли...»³⁴

³⁴ Из интервью автору – 2016 год.

1983 год. Квартирный концерт у Павла Краева

Пока Каспарян разучивал гитарные партии, Цой вместе с Майком Науменко частенько давал квартирники в Озерках у Павла Краева.

Павел Краев, организатор квартирных концертов:

«Однажды, когда я жил на улице Композиторов в доме 5, с Олей Максutowой в качестве соседки по лестничной площадке, наш общий приятель Владик Шебашов пригласил к нам Майка. Мы уже вместе устраивали домашние концерты Цоя с Рыбой. Концерты прошли весьма успешно и для музыкантов, и для зрителей. И, вдохновленные первым успехом, мы с Олей решили продолжить эту домашнюю концертную деятельность.

Перед концертом Майка на дверь была повешена табличка „Закрытый вечер“. Присутствовали два брата-близнеца Тризно (по прозвищу Большие) с повязками дружинников на руках. Распоряжался всем Юрания – он собирал деньги со всех присутствующих, приговаривая: „Кто не платит два рубля, тот не слушает Майка“. С меня он тоже собрал два рубля, хотя я вроде как бы хозяин квартиры, но я не стал выпендриваться и скандалить. Концерт проходил в комнате у Оли, а перед концертом, в перерыве и конечно же после музыканты отдыхали – выпивали у меня на кухне. А Владик гордо водил Майка по нашим с Олей двум квартирам и, как экскурсовод какой, показывал ему и рассказывал: „Вот, мол, у них какая коммуна“. А Майк внимательно слушал и смотрел – ходил за ним с серьезным видом, как гость на вернисаже.

Так я впервые познакомился с Майком. Перед ним играла группа „Бормашина“, потом „Почта“ (Наиль Кадыров и ныне покойный Сергей Васильев). Они произвели на меня мало впечатления. После них играл Майк – он понравился мне сразу же, целиком и полностью. С Майком играл тот же Наиль, который впоследствии стал басистом „Зоопарка“.

В конце 1983 года состоялся замечательный концерт Майка с Цоем. На третьей гитаре играл Наиль. Табуреток не хватило, и Наиль сидел на перевернутом ведре. Присутствовали всякие именитые люди типа Коли Васина и Гены Зайцева. Был Шебашев и, по-моему, Птеродактиль. Да и вообще народу набилось немало. Ваня Сидоров записал концерт на магнитофон „Нота“.

Одним из самых ярких впечатлений от этого концерта был момент, когда Серж внес авоську с водкой во время выступления. С авоськой, из которой торчали горлышки водочных бутылок. Это было, конечно, прекрасно. Все зааплодировали: полная авоська с водкой. Конечно, все радостно восторгнулись и похлопали в ладоши. И тут Майк сказал: „Цой, это не нам аплодисменты. А водке“.

Квартира после концерта выглядела как после похода Мамаея: белый линолеум приобретал противоположный окрас. Вокруг валялись окурки и пепел (стекло, правда, не было). Обилие пустых бутылок этот бардак несколько компенсировало: они с трудом, но сдавались. Надо сказать, что в половине случаев я доплачивал музыкантам из своих денег (они работали, как теперь говорится, „на гарантии“). Приходило много своих – знакомых и друзей, по большей части считавших, что им платить не надо. Я в сборе денег излишней строгости не проявлял, поэтому Майк с Цоем, войдя

в положение, иногда делали скидку в пять-десять рублей. После этого знаменитого концерта Майк вместе с Цоем играли еще один раз – Майк, правда, был нетрезв и, кажется, ни в одной песне текст до конца не вспомнил. Наиль с ними тогда не играл, запись тоже не получилась. По отдельности Майк с Цоем играли у меня еще несколько концертов.

Это была с моей стороны, прежде всего, помощь музыкантам. Майк, кстати говоря, никогда не заказывал квартирников. А Цой и Башлачев – они просили. Они меня просили просто: „Сделай квартирник, надо денег“. У меня не получалось им заплатить столько, сколько им хотелось. 30 рублей обычно. Это моя гарантия была – 30 рублей. Конечно, не получалось. Но они очень хорошо скидывали. Я просил: „Ребята, у меня нет столько. Давайте на 50, например? Вам пополам по 25“. А помогавший им иногда Наиль Кадыров кроме портвейна не получал ничего. Он потом приходил ко мне и сдавал пустые бутылки...»³⁵

³⁵ Из воспоминаний П. Краева

22–25 декабря 1983 года. Майк и Цой в Свердловске

В декабре Виктора Цоя вместе с Майком Науменко приглашают в Свердловск, где они выступают на нескольких полуподпольных концертах.

Леонид Порохня, автор книг и статей о советском роке:

«В данном случае событие было вполне положительное, для Урала совершенно неординарное: на „квартирные гастроли“ ехали Майк и Цой. Про Цоя тогда мало кто знал, ждали просто Майка. При первом известии о будущих концертах в городе началось нервное шевеление, сопровождавшееся некоторой одурью любителей музыки и организаторов, одурь распространилась и на официальные структуры, достаточно сказать, что ни культурные, ни правоохранительные органы, уже изрядно набившие руку об „Трек“ и „УД“, в это дело даже и не сунулись. Очевидно, не верили, что такое вообще возможно.

Первым о концертах питерцев узнал, разумеется, Бегунов...

„Вывели меня на хату на Вторчермете“ (Бегунов). По-русски это значит, что Бегунов узнал адрес квартиры, находившейся в районе Вторчермет (полная свердловская задница), куда должен был приехать из аэропорта Майк. И с двумя друзьями по Архитектурному клубу туда отправился. Нашли дверь, постучались, открыл незнакомый дядька, которому они вместо „здрасьте“ заявили: „Есть информация, что Майк должен приехать к вам“. Дядька их глазами ощупал, дал команду: „Дуйте за бухлом“.

„Мы сгоняли, затарились, бухали, ждали. Переросло это в глобальную пьянку, все рейсы из Москвы прилетели – никакого Майка нет. И совершенно непонятно, откуда появились Майк, Вова Синий и какой-то полный урод неформального вида восточной национальности“ (Бегунов).

Майк вошел в дверь и сказал: „Ребята, портвешка нет?“ Ребята к тому времени давно на водке сидели, которая тоже стремительно кончалась, а деньги кончились давно. Но хозяин оказался непрост и с привычками Майка знаком – был портвейн в зачанке! Закуски не было.

Сели пить по второму кругу, разговор начался интересный, только Бегунову на нервы действовал „неформальный восточной национальности“. Вопросы Вовка задавал Майку, а отвечал почему-то тот, второй. И вообще, в разговор лез... Бегунов был борзой, начал „греться“. „Я про себя думаю: „Что ты лезешь?“ Очень не любил я его в тот момент. И только потом до меня стало доходить, что это какое-то „Кино“... А запись я уже слышал. В общем, понял я: свой браток...“ (Бегунов). Так Цой счастливо избежал мордобоя в первый же день по приезде на Урал.

„Пришел я „вмертвень“ домой, счастливый до неприличия“ (Бегунов).

На следующий день был концерт. Бегунов заранее сообщил о нем Шахрину, тот прихватил Кукушкина с Решетниковым, но Бегунову об этих двоих сообщить забыл. „Поехали на концерт, – вспоминает Решетников, – встретились с Шахриным, тот говорит, что ему тут на остановке нужно еще с другом встретиться. Подождали, идет странный товарищ в полушубке драном, в каких-то танковых штанах, в ботинках чудовищных... И Шахрину говорит: „А это ты что за чмушников притащил?“ Меня зацепило, думаю: сейчас в глаз буду бить. Потом выяснилось, это и есть Бегунов. Так что на концерте Майка мы впервые и встретились все вместе“.

На концерте Майка они впервые встретились все вместе! Без драки.

Концерт был удивительный. Двое играли на акустических гитарах и пели, вот и все. Майк безостановочно жевал резинку, был благостен, видать, причастился с утра портвешком. Цой наоборот ужасно почему-то стеснялся, пел с закрытыми глазами, играл с закрытыми глазами и открывал, только когда поворачивался к Майку.

То был rock'n'roll. Абсолютный, стопроцентный, настоящий, который двое похмельных молодых людей извлекали из двух простеньких гитар и собственных глоток. То был момент откровения, вдруг стало очевидно, что рок-н-ролл делается просто и весело, на глазах у публики. Теперь, наверное, трудно понять, что за революция творилась в головах сидевших на концерте, но революция творилась натурально, священная музыка, существовавшая доселе исключительно на магнитофонной ленте, делалась прямо здесь, на глазах, на улице Восточной...

Объективности ради следует заметить, что и для прочей уральской музыкальной общественности концерт Майка и Цоя не прошел даром, но для „Чайфа“ он стал решающим – концерт заново объединил Шахрина и Бегунова.

„Я тогда в первый раз понял, что по-русски можно петь, и это будет полноценно. Когда слушал записи, это было круто, но себя рядом поставить было невозможно – другой уровень. Оказалось, можно, а у Вовки были песни... После этого концерта я прибежал к Шахрину с дурными глазами!“ (Бегунов).

„И после концерта я рванул к Бегунову...“ (Шахрин).

Куда бежать-то – на концерте вместе были!.. Забавный нюанс: они не помнят, что слушали Майка и Цоя, сидя на соседних стульях. И тем не менее на самом деле...

Прямой результат гастроли питерцев свелся к тому, что в ВИА „Песенка“ появился Бегунов, событие это для новорожденного „Чайфа“ стало во многом решающим. Это был шаг именно к группе, которой доселе не было».³⁶

Михаил Уржаков, автор книги «Дом, который построил Майк»:

«Но вот часов около 11 вечера подъезжает тачка (мы с балкона смотрим) и из нее выходят два дрозда с зачехленными гитарами.

Поднимаются по лестнице, звонят в дверь и вваливаются в квартиру.

Входит Майк, я его уже по фотке узнал. А за ним какой-то мудень, ну точно не БГ. Какой-то высокий узбек.

Ну, все такие: оба-на!!! А где Боря? Крендели говорят: „В самый последний момент Боря решил не ехать по причине несварения желудка“. „Короче, приехал я“, – высокопарно сказал узбек. И все ему, обнимая, типа хорошо, нормально, сменим вывеску с БГ на Цоя.

Его, оказывается, Цой звали. А выступление у них было назначено в УПИ на четыре часа дня завтра, рабочего дня недели.

И вот тут-то Стерхов (тогда уже чувствовалась бизнес-жилка) говорит Майку, мол, давайте после этого у нас в общаге Архитектурного выступите. На что ему Майк так деликатно отвечает, что он сам-де концертами не

³⁶ Л. Порохня. «ЧайфStory». М.: ЛЕАН, АНТАО, 2001.

занимается, а вот перед тобой стоит едва на ногах мой директор здесь, в вашем уральском регионе, с ним и говори.

Короче, Стерхов на пьяную голову умудрился с этим менеджером договориться о концерте в общаге Прома за 100 рублей. Деньги по тем временам невь...ые. Ну, если помните, стипа – 40. Билет на самолет в Москву – 8 рублей, комплексный обед – 40 копеек. Пиво – 18 копеек.

Это означало, что к завтрашнему дню нужно было собрать народ – 100 человек по рублю минимум, чтобы оплатить выступление. В Космосе тогда билеты стоили на самые крутые мероприятия со звездами советской эстрады – рупь двадцать.

Все это, естественно, происходило на маленькой площади кухонных квадратов, и люди не падали от долгого ожидания звезд и принятия алкоголических напитков только потому, что плотно упирались друг в друга плечами.

Я совсем позабыл сказать, что узбек Цой, выходя из автомобиля такси ГАЗ-24, в одной руке держал гитару, а в другой – замусоленный донельзя журнал „Иностранная литература“ (как сказал бы Бориска, этот журнал, товарищ дизайнер, наверна бил у вас в жеппе).

Так вот. Незамедлительно после входа в квартиру и приема пары-тройки штрафных Витя Цой стал навзрыд рассказывать, что „Иностранка“ опубликовала рассказы Джона Леннона и вы все сейчас не сходя с места должны их выслушать в моем исполнении.

Мы все, ну интеллектуалы же, немножечко прих...ли, так как этот номер вышел еще три месяца назад и уже неоднократно и обсуждался, и обсасывался, и никакого желания слушать Леннона в исполнении Цоя никто не испытывал. На что ему сразу же было поставлено на вид. Мол, хватит в своей котельной кочумать, дывай уже по библиотекам ходи и Кобо Абэ читай. Это ему все тот же активный знаток литературы Бегунов сказал. А я подтвердил и еще добавил, что такие вирши, которые были напечатаны в „Иностранке“, скорее всего, липовые, так как невозможно перевести с английского на русский и наоборот такие фразеологические обороты, каковые встречаются в этом тексте. Например, у Леннона там в этом русском переводе было: „Отрубасил себе Джек корягу-руку...“ Че-то типа этого.

Майк, услышав это в кухонном гомоне, тоже подтвердил эту истину, так как на тот момент, скорее всего, единственный из всех нас знал английский на уровне выше, чем институтский. По крайней мере, он сам про себя так думал. Когда работаешь ночным сторожем, по себе знаю, времени на изучение иностранных языков на-а-амного больше, чем когда не работаешь ночным сторожем.

В общем, Витя Цой обиделся на всех нас тогда, налил себе две трети портвейна, вышел из кухни и сел в угол дивана разговаривать с симпатичной и трезвой хозяйкой. Та от Стерхова, слава хоспида, отвязалась.

Тем временем Юрка, окулачивая Майковского менеджера по Уральскому Краснознаменному округу, не заметил, как в толпу ввинтилась будущая звезда рок-н-ролла этого же округа в лице Владимира Бегунова.

Тут надо отметить, что все любители андеграундного рок-н-ролла стояли, плотно держа в руках по стакану портвейна, а некоторые товарищи и беленькой. Бегунов, расталкивая всех, повлек за собой мореколыхание

тел и пролитие спиртного на одежду, руки и пол, чем вызвал недобрый гул постояльцев.

Владимир подлез к Майку, который к тому времени набирался уже со скоростью геометрической прогрессии, и с налета давай заваливать его атомными вопросами почему-то про „Машину времени“. И тут Майк порвался как грелка. Давай орать, что Макар – говно, продал рок-н-ролл и подписал контракт с Росконцертом и ваще я, как музыкант, лучше всех и щас морду тебе, гнида (Бегунов), набью.

Обстановка явно накалялась, потому что если вдруг че, то Бегунов, как бывший мент, морду Майку начистил бы га-а-раздо быстрее. Но в этот самый момент прозвенел в прихожей неожиданный звонок, и народ пошел смотреть, кто это еще пришел.

А пришел, друзья мои, ну вот хоть вырви мне тогда глаза в этот полупночный час, не кто иной, как Слава Бутусов.

Дверь так ему открыли, он заходит и – опаньки! – видит весь этот бардак. Куча пьяного народа, на дыму висит несколько топоров, и до кучи мы втроем стоим и кричим, типа, Слава, дескать, мол, все окей, заходи, портвейн еще есть. А Слава такое лицо сделал, как тот пионер из фильма про пионерский лагерь. „А че эт вы тут делати, кино-то давно кончилось!“

А мы такие отвечаем, нет, Слава, кино только еще начинается. И ты, Слава, спас всех от кровопролития и, может, даже смертоубийства!

Слава попытался каким-то образом с парнями поговорить, дескать, типа того, что, дескать, мол, все окей и можно из этой пьяной тусни уйти ко мне домой, это, типа, недалеко отседа совсем.

Никто не пошел, естественно, так как менеджер по Уральскому округу не пускал.

И интересно, как бы Слава оправдался, если бы кто-то поехал с ним, когда от Академической до Автовокзала совсем не ближний свет. Как мне сейчас кажется.

Че потом было, если честно, я плохо помню. До общаги я как-то добрался на Июльскую и утром совсем плохой был с этого портвейна с синей этикеткой. Утешало то, что в этот день случилась стипендия, неизменно освящавшаяся пивом. А потом, вечером, концерт в Промке.

Слава богу, я у Стерхова числюсь в организаторах, поэтому за вход платить не надо будет.

Концерт был классный. И очень странный одновременно. До выступления пошли со Стерховым в винник за вином. Блин, ничего не было, купили поэтому несметное количество „Сахры“. Оказалось зазря, так как музыканты уже почти не вязали.

Майк из УПИ приехал ну такой бухой, что даже не мог не то что петь и говорить, но просто руки на грифе держать. Майк раза четыре пьяно оправдывался, что этот концерт намного лучше звучит в электронном варианте, нежели в акустике. Спасал Цой, тот был потрезвей. Вместо каждой второй песни пел иногда и каждую третью и четвертую.

В какой-то момент Майк понял, что петь больше не может, и в качестве перерыва попросил задавать вопросы, если таковые есть. Начались вопросы про рокерскую жизнь в Питере, кто да как, да кто луччий. Майк тогда сосватал народу первый раз этого кренделя, как его, ну кто на гармошке рок-н-ролл играет. А! Дядя Федор, вот!

Кто-то из зала спросил: „Виктор, ты Дэвида Боуи любишь?“ Цой говорит: „Люблю, конечно!“ Все тут как захлопали в ладоши, как будто Витька миллион выиграл. Цой разулыбался такой, говорит: „Боуи ваще мой любимый музыкант“. Все опять давай хлопать. Ну полная чушенция, как сказал бы Ильдарка Зиганшин. А Майк вдруг очнулся от этого, как будто обиделся, и говорит, типа: „Я тоже Боуи люблю!“ И все опять давай хлопать.

Было весело.

И вот, в середине концерта из толпы слушателей (набрал же Юрка все-таки сотню человек или даже больше) закричал пьяным тоже голосом Вовка Слепцов: „Майк, мы ТЕБЯ любим!“

Майк остановил пение и пьяно закричал: „Слышу голос настоящего мужчины!“ Типа пошутил. Вот этого делать было не надо, так как Вовка завелся и давай орать: „Б..., п...к, у...й на... отсюда!“

Слепцова выводят под белые руки, концерт продолжается.

После этого Майк исполнил песню „Гопники“, чем окончательно настроил часть толпы против себя. Типа вы тут все гопники, а я один хороший такой, Майк-питерский.

Одним словом, концерт скомкали и начали расходиться. Майк с Цоем побрели за Стерховым в какую-то комнатуху, где мы уже начали заряжаться „Сахрой“. Стерхов влил стакан Цою, стакан Майку. И тут Майк совершил следующее действие, которое сейчас оценивалось бы нормально, так как люди по заграницам ездили все уже прилично, но тогда это просто повергло в шок.

Майк *отлил* в раковину полстакана „Сахры“ и разбавил другую половину водой из-под крана.

Начал пить в полном молчании. Немного после этого, конечно, поговорили еще, но беседа уже как таковая не клеилась.

Потом уралорегионский менеджер забрал парней отсыпаться, а мы еще долго сидели, давились „Сахрой“.

У Славы, видимо, в этот день была военка, поэтому тема беседы вилась вокруг нее. Он высказал тогда поразительную мысль. Военная кафедра наверняка отравлена каким-то газом, потому что, как только ты переступаешь ее порог, моментально хочется спать. Ну просто моментально!

Все дружно закивали в знак согласия.

Помолчали.

На этом кино окончилось.

Стерхов сказал, что записал концерт на „Ноту“. Так что он до сих пор может, еще и впитает где-то...

До кучи вот небольшая выдержка из моего романного труда под названием „Дом, который построил Майк“ об этом киноконцертном событии:

„Как-то во время разворачивания русского рока общагу Свердловского архитектурного института посетили никому тогда не известные в широкой среде Майк Науменко и Витя Цой. Стерхов и я (дурак околорокеровский, слабо отличающий King Crimson от Чика Кория и Стивена Наймегена) просадили все наши только что полученные стипендии на покупку вина „Сахра“, по своим вкусовым качествам мало отличающегося от обычного

„Агдама“, для организации вечера отдыха музыкантов после концерта. А оказалось – понапрасну, практически все пришлось выпить самим.

Особенно мы, конечно, не жалели, такое добро не пропадает. А Слава высказал тогда хорошее замечание о честности русского рока: „Что же это Майк все время только и поет о портвейне, а в жизни разбавляет его водопроводной водой. Какое-то странное у него состояние“.

Кстати, Виктор Цой, Майк Науменко и Юра Стерхов умерли.

А дело их будет жить в веках».³⁷

³⁷ М. Уржаков. «Дом, который построил Майк». Екатеринбург.: У-Фактория, 2005.

Январь 1984 года. Концерт в Москве. 30-я спецшкола

В январе 1984 года Цой получает приглашение своего московского приятеля Александра Липницкого выступить с концертом в 30-й спецшколе. Это та самая школа, в которой Липницкий учился на пару с Мамоновым и из которой их исключили за то, что они «позорили доброе имя советских школьников». Именно этот самый концерт был по сути премьерным для «Звуков Му», еще с Африкой на басу. Помимо этого выступали Василий Шумов, «Браво» с Жанной Агузаровой, Сергей Рыженко, Василий Тегин и прочие. Цой был заявлен от питерских музыкантов, поскольку «Аквариум» всем составом был в числе зрителей и выступать не намеревался.

Я выхожу из парадной, раскрываю свой зонт.
Я выхожу под поток атмосферных осадков.
Я понимаю, что это капризы природ,
Мне даже нравится чем-то эта погода.

У-у, транквилизатор.

Метеоролог сказал, дождь будет недолго.
Я разобрал весь приемник, как опытный практик.
Ты понимаешь, что мне было трудно сдержаться.
Мне также нравится, это такой мой характер.

У-у, транквилизатор.

Георгий Гурьянов, барабанщик «Кино»:

«Я был в зале на этом концерте. Туда было нелегко попасть. Там выступала сначала группа „Браво“, „Медицинский институт“. Потом выступал Вася Шумов, у которого драм-машинка все время расползалась, демо разъезжалось. Было очень забавно. Там какие-то были еще задумки, но все разъезжалось. Главное, Цой ничего не терял. Море было радости. Витя спел пару песен. Один. „Транквилизатор“ и еще не помню что. Георгия тогда не было. Разумеется, там я бы его заметил, я бы обратил внимание. Зато он играл на концерте в рок-клубе. Это было супер. В полосатых брюках...»³⁸

³⁸ Из воспоминаний Г. Гурьянова – 2012 год.

Май 1984 года. II фестиваль ЛРК

В конце мая 1984 года был запланирован II фестиваль Ленинградского рок-клуба.

«Кино» уже в полном составе, который, как вспоминала Марьяна, «два года Вите снился», рвануло на предфестивальное прослушивание. Группу вставили в график и, явившись в назначенный день в рок-клуб, они отыграли перед отборочным жюри короткую программу.

Из-за хронической нехватки времени и слабой подготовки группа почти не удостоилась внимания отборочной комиссии, и в выступлении «Кино» было отказано.

По словам Марьяны Цой, Виктор, и так молчаливый, на два дня вообще потерял дар речи. Был подняты все возможные связи и благодаря усилиям некоторых подвижников, которые, кстати, не входили в отборочное жюри, но оказались дальновиднее, ценой участия Гребенщикова и звонка Троицкого из Москвы «Кино» на фестиваль все-таки прорвалось.

Александр Титов, басист группы «Аквариум», играл в «Кино» в 1984–1985 годах:

«Помню, мы с только что взятым в группу Густавом (Георгием Гурьяновым) репетировали сет для участия в фестивале рок-клуба, который должен был состояться по весне. Было это все, кажется, зимой 84-го. Нам тогда казалось, что звучали мы в целом очень вдохновляюще. Это был тот момент, когда группа в первый раз зазвучала так, как она будет уже звучать до конца... Мы летали от счастья. И вот мы сходили в рок-клуб и подали заявку на участие в фестивале. Нам не поверили, что мы готовы выступать на таком важном мероприятии, и назначили прослушивание. В определенный день худсовет рок-клуба приехал к нам на точку и мы сыграли им наш сет, после чего они нам формально отказали в участии в фестивале рок-клуба 1984! Мол, недостаточно сильный исполнительский уровень... Спасибо Борьке (Гребенщикову), который вступился за нас, пошел в рок-клуб и устроил там скандал. После долгих переговоров нам все-таки разрешили выступить в виде эксперимента и под личную ответственность Наташи Веселовой...»³⁹

Но оказалось, что просто пробиться на фестиваль было мало. Нужно отметить, что девиз фестиваля был связан с борьбой за мир, и каждой группе было предложено спеть по одной песне кого-нибудь из советских композиторов на эту тему. Цой решительно отказался петь песни «совковых сочинителей» и специально для выступления написал «Безъядерную зону». Здесь имел место прямой расчет: кто мог сказать, что Виктор Цой – не советский композитор? Когда жюри прослушало эту песню, все были поражены. Решено было открыть фестиваль этой песней в сольном исполнении Цоя, а само выступление группы «Кино» должно было закрыть фестиваль. И вот именно этой песней 18 мая 1984 года Цой на открытии II фестиваля Ленинградского рок-клуба и объявил свой мир безъядерной зоной. Песня «Безъядерная зона» была признана лучшей антивоенной композицией фестиваля. Ленинградская рок-публика была потрясена. С этого фестиваля и начался звездный путь Цоя.

В этом мотиве есть какая-то фальшь,

³⁹ Из воспоминаний А. Титова – 2016 год.

Но где найти тех, что услышит ее?
Подросткий ребенок, воспитанный жизнью за
шкафом,
Теперь ты видишь Солнце, возьми – это твое!

Я объявляю свой дом
Безъядерной зоной!
Я объявляю свой двор
Безъядерной зоной!
Я объявляю свой город
Безъядерной зоной!
Я объявляю свой...

Как не прочны стены наших квартир,
Но кто-то один не подставит за всех плечо.
Я вижу дом, я беру в руки мел,
Нет замка, но я владею ключом.

Я объявляю свой дом
Безъядерной зоной!
Я объявляю свой двор
Безъядерной зоной!
Я объявляю свой город
Безъядерной зоной!
Я объявляю свой...

Журнал «Рокси» в то время писал: «Уместно будет к открытиям фестиваля отнести и „Кино“. Их теперешний триумф подготовлен долгой работой, ходящими по рукам студийными записями и фактом существования Цоя, от которого нельзя было, рано или поздно, не ожидать чего-нибудь в этом роде... Прически коллег Цоя, песня „Прогулка романтика“ и многое другое позволяют уловить несомненную близость „Кино“ к новейшим школам». ⁴⁰

Александр Титов:

«Мы создавали, что нас может спасти только чудо, которое надо было сотворить. И нам это удалось, потому что концерт был очень мощный, кайфный.⁴¹ Я помню лица людей. Звук был полное говно, как всегда. Я помню, что я был просто в истерике позитивной, потому что вдруг в какой-то момент почувствовал, насколько это важно и мощно. И необычно. На черно-белых фотографиях с того концерта видно, какие у нас у всех квадратные глаза, как нам это все круто было. Это был фурор. Концерт этот был взрывом! Мы были отмечены, как главное открытие 1984-го года. И далее понятно...»⁴²

Наталья Веселова, куратор Ленинградского рок-клуба:

⁴⁰ По материалам журнала «Рокси».

⁴¹ http://kuznecovkns.narod.ru/aleksandr_titov.htm

⁴² Из воспоминаний А. Титова. 2016 год.

«Цой был достаточно закрытым человеком, и наше с ним общение было или по делу, или они с Каспаряном заходили на Рубинштейна (в период, когда занимались карате) просто поболтать, узнать новости. Никаких серьезных разговоров у меня с Витей никогда не было. Я ведь в то время была куратором рок-клуба, функционером, причем это не была моя основная работа, это была „партийная нагрузка“. Из-за того что познакомилась со многими музыкантами еще до кураторства через Артемия Троицкого и была близка по возрасту, отношения с большинством музыкантов были хорошими, приятельскими. Но я с большинством из них не дружила, я все-таки была в каком-то роде их „начальником“...»⁴³

⁴³ Из интервью автору – 2016 год.

Июнь 1984 года. Петергоф

10 июня 1984 года в Петергофе проходит лауреатский концерт по итогам II фестиваля Ленинградского рок-клуба. «Кино» отыгрывает два концерта (утром и вечером), один из которых был даже запечатлен на видео. Его фрагменты можно сегодня увидеть в Интернете.

Владимир Пыхонин:

«Мой приятель Юрий Камышников как-то в 1984 году пригласил меня на концерт в Петергоф. Ремарка: мы тогда слушали Duran Duran, выглядели соответствующим образом.

В Петергофе таких как мы оказалось много. Юра сказал, что будет концерт: „Кино“, „Нокаут“ и „Странные игры“ (не помню вот точно про „Игры“). Я не знал, кто такие эти группы и тем более кто такой Цой. (Хотя, как потом выяснилось, мы учились с ним в одном училище... Хе-хе.)

Было лето. Мы присели на травку возле памятника, который был напротив клуба. Решили закурить, но не было зажигалки (символично). Видим, рядом с нами сидит казах. Мы спросили у него зажигалку и заодно уточнили, что за концерт в клубе? Он так и сказал: группа „Кино“ и т. д. Ну а дальше был шок! Первым играл „Нокаут“ (металл-жесткач), мы уже обломались и типа хотели уйти, но потом смотрим: какие-то цветные парни на сцену выходят и казах, тот самый. Ну а дальше был настоящий шок! Это было „Кино“! Это было так круто! Это была такая мощная энергетика! „Мама, я узнал свое утро!“ Короче, утром я проснулся новым человеком! Счастливым! „Кино“ – это великая группа!»⁴⁴

⁴⁴ Из интервью автору – 2014 год.

9–10 июля 1984 года. Мини-фестиваль в поселке Николина Гора

После II фестиваля Ленинградского рок-клуба Цой, ободренный успехом, увольняется с работы и, без сожаления расставшись с детской деревянной скульптурой, отправляется с Марьяной и друзьями на мини-фестиваль к Липницкому в подмосковный поселок Николина Гора.

Это был дачный кооператив, где жили известные ученые, музыканты, артисты, кино-режиссеры и так далее. Там же, на Москве-реке, был и небольшой дипломатический пляж, а рядом дача Александра Липницкого, на веранде которой он время от времени, к ужасу и неудовольствию некоторых именитых соседей, устраивал концерты «Кино», «Аквариума», «Центра» и других ленинградских и московских групп. На втором этаже дачи была расположена домашняя студия, в оборудовании которой Липницкому помогала Стингрей.

На том мини-фестивале «Кино» отыграло программу «Начальника Камчатки».

12 июня 1984 года. ДК им. Крупской

12 июня в Ленинграде, в ДК им. Крупской, прошел еще один лауреатский концерт.

Владимир Густов, музыкант группы «Теле У»:

«Я лично Цоя не знал... Но один раз мы с Ляпиным играли с “Кино” концерт. Первое отделение они, второе – мы (группа „Теле У“). Вот и все знакомство. Это было в каком-то ДК на Обуховской Обороне, под эгидой рок-клуба... Все, что я запомнил про тот день, это то, что нас с Ляпиным подвез после концерта консул США, и мы с ним всю дорогу стебались, что нас теперь КГБ под колпак возьмет. Где-то 1984 год был... Сам концерт особо не запомнился. „Кино“ тогда играло какой-то мрач, мне даже показалось, что на фашистскую тематику похоже. Они были в длинных плащах и действительно очень походили на офицеров СС...»⁴⁵

Нина Барановская, заведующая репертуарным отделом Ленинградского рок-клуба:

«Однажды „Кино“ выступало на фестивале... и по социальной значимости, о которой тогда все любили говорить, выступление было отнюдь не слабым. Именно за это выступление партийные люди и назвали Цоя фашистом. Тогда рок-клуб курировала такая девица лет двадцати пяти, но уже с клеймом члена КПСС на лице. Работала она в Куйбышевском райкоме партии. После выступления „Кино“ она пришла и сказала: „Вы видели, как он стоит на сцене? Он же фашист!“ Дело было, конечно, не в том, как он стоял, а в том, что он пел...»⁴⁶

Николай Кунцевич, отечественный шок-рок-актер:

«Позднее, то ли в 1984-м, то ли в 1985-м, будучи в городе Ленинграде, я увиделся с Борисом Гребенщиковым и он мне посоветовал прийти на концерт Ленинградского рок-клуба (концерты Ленинградского рок-клуба, который не имел своего помещения, проходили во многих местах, в частности в ДК им. Крупской), где я увижу выступление группы „Кино“. Честно говоря, это лучшее, что я когда-либо видел в то время. Бешеная энергетика, пластика, песни как на подбор: „Транквилизатор“, „Генерал“ и т. д...»⁴⁷

⁴⁵ Из интервью автору – 2012 год.

⁴⁶ Из воспоминаний Н. Барановской.

⁴⁷ Из интервью автору – 2012 год.

Январь 1985 года. Цой, Майк и Рыженко в Москве

В начале января 1985 года Цой с Майком отыгрывают квартирные концерты у Олега Ковриги и Александра Несмелова в Москве.

В 1985 и 1986 годах в Москве проводились акустические концерты с участием тогдашних питерских и московских рок-звезд.

В таких концертах приняли участие Майк, Цой, Сергей Рыженко, Кинчев, Башлачев, Силя («Выход»). На одном из концертов должен был выступать еще БГ, но в связи с рождением сына остался в Питере стирать пеленки. Вместо Гребенщикова был ангажирован Цой и с подачи же Майка – Рыженко. Концерт проводился в каком-то банкетном зале (по другим данным, это был квартирник у Владимира Кузнецова) и даже был записан.

Что же касается концертов у Ковриги и Несмелова, то записаны эти квартирники в тот самый «деньрожденный» приезд в Москву. Впоследствии они были изданы на двойном CD отделением «Выход».

Есть о том периоде одно любопытное воспоминание. Евгений Сотсков, или Жэка, рассказывал, что слышал от одного своего приятеля историю о том, как в 1984 году его родители и он сам (будучи шестилетним ребенком) навещали институтских друзей и оказались в обыкновенной студенческой общаге, где вечером стали зрителями небольшого квартирного концерта, который устроили заглянувшие на огонек некие Миша с Витей. Музыканты, по очереди приложившись к бутылке с портвейном, пели, а собравшиеся гости весело подпевали и хлопали... Далее рассказчик вспоминал, как сидел у Виктора на коленях и как тот, улыбаясь доброй улыбкой, исполнил песню «...звезды, упав, все останутся здесь, навсегда останутся здесь».

Март 1985 года. III фестиваль ЛРК

В марте 1985 года прошел III фестиваль Ленинградского рок-клуба, где Цой впервые появился на сцене без гитары. Он пластично и легко передвигался во время исполнения песен. По мнению некоторых, это явилось плодом просмотров концертов западных рок-групп, которые Цой смотрел у Александра Липницкого в Москве.

Многим, само собой, это не понравилось. К примеру, Александр Житинский писал, что «эта манера была совершенно чужда Цою. Вильять бедрами было совершенно необязательно, да и с гитарой в руках Виктору было гораздо лучше». И Житинский был далеко не одинок в своем недовольстве. Однако, как бы то ни было, выступление «Кино» на фестивале было высоко оценено жюри и группа получила лауреатское звание.

1985 год. Концерт в клубе ЛПИ

Из воспоминаний поклонника «Кино»:

«Мне довелось быть на концерте Цоя в 1985 году в клубе ЛПИ. Там ему испуганные хозяева клуба не смогли дать исправную аппаратуру. Так Цой стал петь под 12-струнную гитару один. Народу набилось столько, что стоять приходилось на ручках кресел, для того чтобы его увидеть. А он пел часа два. После этого за одно только уважение к своим слушателям я перед Цоем ку – два раза!!!»⁴⁸

⁴⁸ <http://v-r-tsoy.livejournal.com>

Апрель 1985 года. Концерт в мастерской Александра Флоренского

Александр Флоренский, один из основателей творческой группы «Митьки»:

«Однажды Цой играл у меня... Концерт происходил вечером в апреле (точной даты не помнит никто) 1985 года в нашей с Олей мастерской в Кузнечном переулке, 19. Пили болгарское красное вино. Цой забыл дома медиатор и ловко вырезал новый из пластиковой пробки от портвейна, найденной в мусоре.

Присутствовали: Виктор Цой, Марьяна Цой (тогда заметно беременная), Александр Флоренский, Ольга Флоренская, Владимир Шинкарев, Дмитрий Шагин, Виктор Тихомиров, Игорь Чурилов (художники только что образовавшейся тогда группы „Митьки“), Елена Чурилова, Леша Шинкарев, Инга Новикова, Вася Антонов, Вадик Маркин. Это был далеко не единственный случай, когда Цой пел у меня в мастерской. Но этот концерт отличался от прочих: во-первых, он был запланирован аж недели за две, что для „Митьков“ 1985 года было крайне нехарактерно: во-вторых, он был записан! Запись производилась с помощью принесенного Игорем Чуриловым переносного кассетного магнитофона „Электроника-стерео“ (помню, я с уважением прочел надпись на магнитофоне: „Встроенный электретный микрофон“). Единственной нашедшейся кассетой МК-60 отечественного производства ограничилось время записи (Витька под конец разошелся и спел пару-тройку вещей, когда записывать было больше некуда). Где-то была фотка той самой кассеты МК-60 качественная, но ее непросто будет найти... Она у меня участвовала в дизайне диска. Замусоленная такая, с надписью фломастером: „ЦОЙ“. Она у меня без копии несколько лет крутилась, никто ж за особую ценность не считал это... А сегодня не представляю даже, где ее искать...

Уходя, гости по традиции оставляли автографы на стене в прихожей. Цой тоже взял фломастер и написал: „Лучше больше, чем меньше“.

До 1990 года я не считал записанную тогда кассету особой ценностью и употреблял ее по прямому назначению, слушая в мастерской на разных, порой недоброкачественных магнитофонах. В 1990 году сдублировал ее и слушал уже копию, и только 18 февраля 1997 года, встретив Марьяну, догадался предложить оригинал в ее распоряжение. Между прочим, выяснилось, что я сохранил для человечества две редкие песни – „Молодой пастушок“ и „Румба“. Все помнят, что Витя их пел, а вот записей не осталось. Кроме моей!

Дальше события развивались печально: московский человек, которому Марьяна отдала кассету на оцифровку, умер, и оригинальная кассета пропала. Через несколько лет умерла и Марьяна. К счастью, я не потерял копию.

В конце 2012 года поклонник творчества Виктора Цоя, Виталий Калгин, связался со мной, обрадовался, что запись сохранилась, и сказал, что он и Саша Цой заинтересованы в выходе такого диска. Ну что же, „лучше больше, чем меньше“!

Я даже написал заметку для вкладки в компакт-диск, который должен был появиться. Кроме этого, я делал дизайн для обложки самого диска – использовал там картинки, которые нарисовал в 1985 году для „будущих пластинок Цоя“, когда никто из нас, конечно, не верил, что такие пластинки могут быть когда-нибудь официально изданы... Надеюсь, что диск когда-нибудь появится».⁴⁹

⁴⁹ Из интервью автору – 2012 год.

Лето 1985 года. Майк и Цой. Концерт в Киеве

В конце июня Цой с Майком отправились на гастроли в Киев, но концерт сорвался, музыкантов арестовали, и, по словам Марьяны Цой, «петь им пришлось не на квартире, а в районном управлении внутренних дел».⁵⁰

Александр Евтушенко, киевский рок-журналист, организатор концертов «Кино» в Киеве:

«Перед тем как пригласить к нам Цоя и Науменко, я ездил в Ленинград, побывал на концертах рок-клуба и отметил несколько команд, которые мне показались особенно интересными. Тогда же познакомился с Борисом Гребенщиковым. Меня поразила простота, с какой он общался со зрителями... Позже я посетил квартирник с его участием. Это был для меня очень хороший опыт. Гребенщиков тогда опекал Цоя и именно он предложил пригласить его в Киев. Сначала мы планировали провести два квартирника в Киеве: один с участием знаменитого в то время лидера группы „Зоопарк“ Майка Науменко, а другой с Виктором Цоем, но незадолго до начала выступления музыканты сами решили выступать вместе. Именно в квартире на Предславинской они пели и впервые играли вместе. Цой и Науменко приехали в Киев с двумя акустическими гитарами и толстыми общими тетрадами с текстами своих песен. Перед концертом все долго курили на балконе и попивали популярный в то время среди питерских рок-музыкантов портвейн. Собралось около двух десятков зрителей. Вход на квартирник был недешев – 20 рублей, а в то время на официальные концерты в залах можно было попасть всего за 5 рублей. На собранные деньги музыкантам выплатили гонорар и купили несколько ящиков вина, которые стояли прямо посреди зала. Цой всегда был очень концептуален: любил черный цвет, портвейн и папиросы „Беломор“ ленинградского производства. А Майк был чем-то похож на ковбоя: в джинсах и клетчатой рубашке. Перед началом выступления Науменко сказал, что в Киев приезжает в третий раз, но бывал здесь как турист. Мы рассчитывали, что концерт будет длиться два часа, но в самом разгаре в дверь настойчиво позвонили. По звонку мы сразу поняли, что это кто-то чужой, но ничего не оставалось, как открыть дверь. На пороге стоял участковый с двумя понятыми. Он назвал фамилии Цоя и Науменко (фраза „Всею оставаться на своих местах! Проверка паспортного режима. Цой и Науменко – на выход!“ записалась на пленку), и мы поняли, что на нас настучали. Мы до сих пор не знаем, кто это сделал, но в милиции были хорошо осведомлены, что в одной из киевских квартир выступят гости из Ленинградского рок-клуба...»⁵¹

По воспоминаниям Евтушенко, музыкантов и зрителей доставили в Московский райотдел милиции. Деньги, собранные за концерт, конфисковали. Зрителей, предварительно прочитав им лекцию о том, что «они слушают не ту музыку», отпустили по домам, не забыв при этом сообщить в институты о «недостойном поведении студентов, которое способствует антисоветской агитации». К музыкантам отнеслись уважительно, предоставили отдельную камеру, но продержали всю ночь. А наутро купили им билеты на самолет из их же собствен-

⁵⁰ А. Житинский, М. Цой. «Виктор Цой. Стихи, воспоминания, документы». СПб.: Новый Геликон, 1991.

⁵¹ www.yahha.com

ных гонораров и отправили домой. В Ленинградский рок-клуб пришло письмо из киевской милиции, в котором действия музыкантов квалифицировались как незаконная трудовая деятельность. В рок-клубе на подобный сигнал не могли не отреагировать и на полгода отстранили группы «Зоопарк» и «Кино» от выступлений.

К счастью, кассету с записью киевского концерта хозяину квартиры удалось спрятать. В противном случае она была бы конфискована как доказательство незаконной трудовой деятельности ленинградских музыкантов. Сегодня этот раритет хранится в домашней фонотеке одного из организаторов концерта, ставшего первым для Виктора Цоя в Киеве...

23 июля (16–17 сентября) 1985 года. Таллин

23 июля (16–17 сентября) 1985 года Таллин посетили ленинградские рокеры: Виктор Цой, Константин Кинчев и другие. Чуть позже к ним присоединился Юрий Наумов, совершенно случайно оказавшийся на тот момент в Таллине. Отдельно стоит упомянуть Людмилу «Терри» Колот (Bret Diamond) – будущую родоначальницу русского панк-симфонизма, джазовую, блюзовую вокалистку, гитаристку, сотрудничавшую с Андреем Пановым, Алексеем Вишней, Святославом Задерием, Сергеем Жариковым и записавшую первую в истории панк-симфонию. Выступления музыкантов прошли в здании Таллинского ЦБК (целлюлозно-бумажного комбината) имени В. Кингисеппа, в клубе Tselluloos.

Из воспоминаний зрителя:

«Было это вроде бы летом 85 года. Концерт проходил в клубе ЦБК (целлюлозно-бумажного комбината). Сейчас там гоп-тусовки проходят, типа драм-н-басс и т. п. На этом же концерте в тот же день выступал Цой. Вроде бы еще были „АУ“ со Свином. С аппаратом возникли какие-то проблемы, поэтому планировавшаяся электрическая программа не состоялась ни у кого. Выиграл, по словам очевидцев, только Цой».⁵²

Юрий Наумов, гитарист, певец:

«Вообще совместно я с Цоем не играл – только с Майком и Кинчевым. Но вот в Таллине в 1985 году вместе выступали. Он выступал, его вполне тепло принимали. Насколько я помню, он спел „Это не любовь“. Во время исполнения чувствовалась ирония в подаче...»⁵³

Марк Шлямович, журналист, музыкальный продюсер, организатор концертов «Кино» в Прибалтике:

«Я там был. Во-первых, Наумова тогда не было в природе. Юра приехал в Таллин случайно с подругой и каким-то похожим на волчонка маленьким адъютантом. И поселился на несколько недель у меня в общежитии. Днем спал, ночью пел песни для меня и соседей. В Tselluloos была еще Терри – такая панкушка... Интересная. Полный андеграунд. Тогда входила в тусовку Кинчева. Они там все были весьма обаятельны. Помню: и Витя, и Костя по очереди вышли со своими двенадцатиструнными гитарами, красивая акустика была, но все вокруг...

Не стоит внимания это событие, поверьте, организация была на х...вейшем уровне... Все было организовано так, что я именно тогда решил, что я сам все организую, чтобы все увидели, что это замечательное искусство. И выполнил это. И до сих пор...»⁵⁴

Андрей Кузнецов:

«Это был один из первых такого типа прорывов на таллинский берег. Выступали кроме Цоя Кинчев (по-моему, в одиночку), Терри (такая полубрутальная питерская дама под настоящим названием Людмила Колот, она такого названия очень не любила) и еще какие-то люди. Был 1985

⁵² Из воспоминаний поклонников «Кино».

⁵³ Из интервью автору – 2014 год.

⁵⁴ Из интервью автору – 2014 год

год. Расположение – бывшая целлюлозная фабрика, то есть место темное, неухоженное, недавно покинутое работниками.

Что помню? Кинчев пинал мониторную колонку (зачем?), ваш покорный слуга записывал действо на магнитофон „Весна“ через микрофон (что круто), Цой пел „Транквилизатор“, „Восьмиклассницу“, и так далее по репертуару того времени, опять же, один просто под гитару. В отличие от других музыкальных своих компаньонов, звук у него по тем временам был нормальный – слова определялись. Харизма уже катила. Без электричества зал был на ушах. К слову, пьяных не было. По крайней мере, я был трезв. Короче, никакого шабаша не присутствовало, хотя и назвать сие обычным концертом язык не поворачивается. Все-таки в ту пору на моей памяти были спокойные выступления „Аквариума“ (в Таллинском политехническом институте), „Машины времени“ и т. д. (1976–1985). Пометка: в 1976 на концерте „Машины времени“ меня не было! Каюсь! Кто организовывал сам концерт, я не помню – возможно, Петр Целуйко или Марк Шлямович...

„Алиса“ просила за действо 600 рублей, а, к примеру Цой – 200. Но поскольку денег не было, а было это связано с тем, что приглашали одного Юрия Наумова, то выходила коллизия. Цой постоянно каждые 15 минут бегал и спрашивал у организатора 15 рублей...»⁵⁵

⁵⁵ Из интервью автору – 2014 год

6 октября 1985 года. Концерт в Усть-Ижоре. Выставка «Митьков»

Осенью 1985 года Виктор Цой с Юрием Каспаряном выступают на закрытии выставки художников из объединения «Митьки» в Усть-Ижоре (поселок Металлострой). Сохранившаяся фотосессия Виктора Немтинова воссоздает атмосферу того безудержного «митьковского» праздника и веселья.

Виктор Немтинов, фотограф:

«Я хорошо помню Цоя. У меня с памятью благополучно. Правда, с Виктором я встречался только во время съемок некоторых концертов и фильма „Рок“ и не был с ним знаком достаточно близко. С ним очень Виктор Тихомиров дружил. Он замечательный литератор, и, собственно, много фотографий было сделано мной в мастерской этого прекрасного художника...»⁵⁶

Виктор Тихомиров, художник:

«Наша тесная митьковская мастерская считалась шикарным местом. Виктор Цой часто заходил к нам. Сидел часами, подбирал на гитаре мелодии, набрасывал на обрывках слова... Они, конечно, не сохранились. Мы не понимали тогда, кто такой Цой, какая его ждет слава. Он был просто хороший парень, добрый знакомый. У нас он встречался с друзьями, было дело, даже отмечал свой день рождения. Однажды так сидел-сидел, и я подумал: „Что зря время терять?“ Взял да и написал два портрета Виктора с натуры. А он в ответ набросал карандашом мой портрет...»⁵⁷

⁵⁶ Из интервью автору – 2012 год.

⁵⁷ Из интервью автору – 2012 год.

22 ноября 1985 года. Концерт в зале рок-клуба

22 ноября группа «Кино» дала концерт в зале рок-клуба, и это был первый концерт с новым бас-гитаристом. Из группы ушел Александр Титов, буквально разрывавшийся между «Аквариумом» и «Кино».

Причина была проста: почти распавшийся к тому времени «Аквариум» усилиями Гребенщикова вновь собрался старым составом, и на студии Тропилло начал работу над альбомом «Дети декабря». После выступления 26 сентября во Дворце молодежи «Аквариум» обрел былую славу и как следствие – плотный гастрольный график. Александр просто не смог играть в двух группах и уведомил об этом Цоя. По воспоминаниям Игоря Тихомирова, о своем возможном скором уходе Титов говорил Цою еще в январе 1985 года, но тогда положение еще не было настолько серьезным.

Александр Титов:

«Как сейчас помню, позвонила Марьяша, и я сказал ей, что честнее всего для меня сейчас сказать, что я не смогу играть в „Кино“. Поставленный перед жестким выбором, я выбрал „Аквариум“. „Кино“ – это все же другое поколение, а те проблемы, которые я для себя ставил, у них немного по-другому решались. Хотя бы на уровне текста... Если поставить рядом две эти группы, то они одинаковы для меня по ценности, но имеет значение смысл текстов. Для меня ближе был текст Гребенщикова».⁵⁸

Джоанна Стингрей, американская певица, актриса, музыкальный продюсер и общественный деятель:

«Я встретила Титова через Бориса и „Аквариум“. Поэтому я всегда идентифицировала его как члена „Аквариума“, а не члена „Кино“...»⁵⁹

Поскольку Александр не мог подвести группу перед фестивалем рок-клуба, он подыскал себе замену, предложив Цою в качестве бас-гитариста Игоря Тихомирова из «Джунглей». Его кандидатура устроила всех.

Юрий Каспарян, гитарист группы «Кино»:

«Я затрудняюсь назвать точную дату прихода Игоря. Помню, это было связано с фестивалем ЛРК. Перед ним он уже всю программу знал. Он появился тогда, когда мы записывали „Неизвестные песни“».⁶⁰

Георгий Гурьянов:

«Подходит Титов и говорит: „Витя, ты знаешь, я буду играть в „Аквариуме“, а в „Кино“ не буду играть“. Витя покраснел и говорит: „Хорошо“, – повернулся так на 45 градусов, подошел к Игорю Тихомирову: „Игорь, поиграешь у нас в группе?“ Игорь: „Да, поиграю“».⁶¹

Юрий Каспарян:

⁵⁸ А. Житинский, М. Цой. «Виктор Цой. Стихи, воспоминания, документы». СПб.: Новый Геликон, 1991.

⁵⁹ Из интервью автору – 2016 год.

⁶⁰ Из интервью автору – 2012 год.

⁶¹ Из интервью Г. Гурьянова – 2012 год.

«У нас был одолженный у „Аквариума“ бас-гитарист. И в какой-то момент возник конфликт интересов».⁶²

Георгий Гурьянов:

«Короче говоря, перед Александром встал выбор: или „Кино“, или „Аквариум“. Да он никогда нашим не был. Он вернулся в группу „Аквариум“. И все. Его Гребенщиков дал, а потом забрал в тот момент, когда почувствовал, что пахнет паленым, что группа „Кино“ его обошла, стала круче. Титов совершенно не вписывался в „Кино“, и это видно даже по фотографиям. У меня часто спрашивают: а это кто такой? Он же совершенно из другой компании. Конечно, он не вписывался. Он старше, хотя мы общались и в гости приходили друг к другу, но... Пока мы работали вместе, Виктор его уважал и прислушивался к нему. А потом перестал уважать...»⁶³

Юрий Каспарян:

«В альбоме „Это не любовь“ мне нравится, как звучит бас-гитара. Очень хорошо звучит. Мы ее писали две недели или три этот альбом, а потом приходит Саша Титов после вечеринок, после гастролей „Аквариума“ и за один день прописывает бас на всей пластинке. Это без вопросов, я поэтому и говорю, что Сашка просто супер... Просто он был не из нашей компании».⁶⁴

Джоанна Стингрей:

«Тихомиров – тот является членом „Кино“. И Титов, и Тихомиров – оба насколько хорошо играют на бас-гитаре, и я думаю, они оба потрясающе основные игроки: оба имеют большой опыт ритма и сроков. Кроме того, они оба просто были естественным groove к их игре. Однако я думаю, что „Кино“ всегда было и будет, в основном, из трех оригинальных участников: Виктора, Юрия и Густава».⁶⁵

Александр Титов:

«У меня был период, когда после гибели Витьки я стал думать, что вот тогда, в 1986 году, когда мы расстались, когда я ушел из группы, у меня был выбор. Я мог бы уйти из „Аквариума“ и играть в „Кино“. Выбрал „Аквариум“. „Аквариум“ был моего поколения, а Витька был на пять лет младше, и музыканты „Кино“ немножко младше меня. И в принципе, в общем-то, „Аквариум“ был больше моей тусовкой, хотя я все равно ассоциировал себя с группой „Кино“. И когда Витька погиб, я очень много думал: что бы было, если бы я тогда не ушел, если бы я выбрал по-другому.

Какие-то вещи могли бы сложиться по-другому. Мы ведь были не просто друзьями, а мы были близкими друзьями. Марьяна, покойная жена Витьки, – вообще моя подруга детства. Мы с шести лет вместе с ней на даче жили. И когда я стал играть с Витькой, это было не просто то, что он пригласил какого-то басиста. Мы одна семья, понимаете? Поэтому для меня этот выбор был ужасно болезненным, я знаю, он тоже болезненно

⁶² Из интервью Ю. Каспаряна – 2012 год.

⁶³ Из интервью автору – 2012 год.

⁶⁴ Из интервью автору – 2012 год.

⁶⁵ Из интервью автору – 2015 год.

это воспринял, когда понял, что я вынужден уйти. И не было ни одного из музыкантов этой группы, кто бы равнодушно к этому отнесся.

И мне жить с этими демонами, с энергиями этого разрыва всю жизнь предстоит. Так вот, я думаю: что, если бы я не ушел тогда? Я не пытаюсь придать себе большей значимости, но я думаю, что каждый человек, близкий, в определенном жизненном пространстве создает достаточное количество энергии, чтобы изменить ход событий, понимаете? Поэтому все могло бы быть иначе. Эффект бабочки».⁶⁶

⁶⁶ Из воспоминаний А. Титова. 2015 год

20 декабря 1985 года. ДК «Невский»

В рамках предновогодней программы Ленинградского рок-клуба группа «Кино» выступает в ДК «Невский» вместе с группой «Кофе», которую активно продвигает Алексей Вишня.

Следует особо отметить один факт. Именно на этом концерте в составе «Кино» появляется второй гитарист – Юрий Лебедев. По словам Андрея Бурлаки, тогдашнего редактора журнала «РИО», Цой, стремившийся добиться как можно большей свободы собственного передвижения по сцене, хотел при этом получить более плотное гитарное звучание. Однако хотя звучание группы стало плотнее, Юрий Лебедев не задержался в составе «Кино» надолго...

4 января 1986 года. ДК им. Шелгунова

На этом концерте группе «Кино» в качестве второго гитариста помогал Дмитрий Анашкин из «Электростандарта». Анашкин, равно как и Лебедев, не остался в «Кино» надолго, поскольку совершенно не устраивал «киношников» своей манерой игры и чуждым им стилем. Именно тогда возникла идея привлечь в группу в качестве перкуссиониста Сергея Бугаева, тем более что «Африка» был всеобщим знакомым и входил в тусовку «Новых художников».

12 апреля 1986 года. Виктор Цой и Николай Михайлов в Куйбышеве (Самара)

12 апреля Цой вместе с президентом Ленинградского рок-клуба Николаем Михайловым выступает в Куйбышеве, где местные комсомольцы пристают к Виктору с провокационными вопросами, на которые Цой находит блестящие, остроумные ответы.

Николай Михайлов, президент Ленинградского рок-клуба:

«Однажды мы с Виктором приехали в город Куйбышев. Это было в апреле 1986 года, за две недели до Чернобыльской катастрофы. Пригласил нас Саша Астров. Мы приехали с очень такой любопытной миссией: я рассказывал о деятельности рок-клуба, а Виктор, будучи не очень разговорчивым человеком, пел в каком-то музыкальном кафе... Жили мы во Дворце молодежи. А началась эта поездка с того, что в местном Доме самодеятельности Виктору прямо по приезду заплатили 80 рублей. Он сказал: „Да-а, это, конечно, не деньги, но впервые мне платят, когда я даже еще не раскрыл гитару“. А завершилось все это в каком-то кафе, где был какой-то вечер какой-то комсомольской организации. Они очень нападали на Виктора за то, что он поет такие безыдейные песни. И мы, как могли, с Сашей Астровым защищали его. Виктор совершенно разозлился и на нас, и на них и спел песню „Я объявляю свой дом безъядерной зоной“. На что те самые комсомольцы начали говорить: „Вот может же человек, ведь понимает, что в этой жизни нужно, у него есть идейная позиция“. Но тут уже разозлились мы с Сашей. И начали говорить: „Неужели не понимаете, что безъядерная зона – не только зона, свободная от ядерного оружия, но и свободная от электростанций атомных...“ „Которые имеют обыкновение времени от времени взрываться“, – сказал Виктор... И две недели спустя случилась Чернобыльская катастрофа. Не знаю, как себя чувствовали комсомольцы, а я себя чувствовал не очень-то уютно после этой поездки».⁶⁷

Александр Астров, рок-журналист, организатор рок-концертов в Куйбышеве:

«Одним из моих первых земляков, кто услышал ленинградский „Зоопарк“ в Куйбышеве, был Кук. У него был одноклассник, сейчас покойный, к сожалению, который учился в Москве, и он, приехав на каникулы из Москвы, рассказал, что... творятся безобразия. А все слушали Pink Floyd и King Crimson, но Discipline – это был уже авангард крутой. Какой-нибудь Television или Sex Pistols никто не слышал вообще!

Очень много тогда было непонятного и случайного... Я знал, чего я хотел, но у меня не было жестких предпочтений, да и не могло быть. Расчет был на то, что вдруг получится. Я довольно долго разговаривал с Гребенщиковым, и что-то там не складывалось. А потом Цой, когда мы уже договорились и ехали с ним в Самару, сказал, что Гребенщиков пожалел: эх, а я не знал, если бы знал – с тобой бы поехал... О коммерции никакой тогда никто не думал. Потому что если бы я, например, думал о коммерции, то я не стал бы привозить „Ночной проспект“ или „Центр“.

⁶⁷ Из воспоминаний Н. Михайлова. <http://starrock.narod.ru/history.htm>

...Цой должен был выступить в „стекляшке“ райкомовской. Было два основных концерта. Сразу из аэропорта – в ДК 9 ГПЗ, там был концерт в таком полупустом зале. Но концерт нигде больше быть не мог. Потом мы у Рахилькина, который тогда работал сторожем в школе рядом с ДК, пили какую-то гадость. Потом он пошел в „стекляшку“ Промышленного райкома. Там был не концерт, а больше такой „трепологии“, за которую меня, кстати, уволили потом с работы. И это все было в пятницу. На следующий день был концерт в „Согласии“, в воскресенье мы выпивали и смотрели видео у Лукина дома, а в понедельник они уехали. Был еще „Гаудеамус“! Ночью того же дня, когда был концерт в 9 ГПЗ, мы поехали в „Гаудеамус“, где тогда репетировала „Седьмая ступень“...

Что могу еще сказать... Цой – он никогда не пел про себя, даже если песня от первого лица. Всегда подразумевались еще какие-то люди, которые делают то же самое и живут точно так же. Всегда подразумевалась какая-то тусовка, которая не обязательно должна быть антисоветской, достаточно было того, что она была несоветской, показывала: в этой структуре, несмотря на всю ее жесткость, в принципе, возможна другая жизнь. И не просто жизнь каких-то отдельных отмороzków, а такая жизнь, когда люди живут вместе, что-то вместе делают. Даже „урод“ Кинчев как-то это уловил и начал орать, что „мы – вместе!“ Да, это был до какой-то степени перевод тех же Who, но он был востребован...»⁶⁸

Алексей Баранов:

«В 1986 „Седьмая ступень“ записала свой первый „профессиональный“ магнитоальбом. Появились контакты с питерским рок-клубом – запись там очень хорошо приняли. Весной в Самару приехали Цой и Коля Михайлов, один из руководителей рок-клуба. Они привезли очень качественно записанные магнитоальбомы, которые потом быстро разошлись по Самаре. Цой отыграл на паре площадок в городе, а ночью они прибыли в закрытое на ремонт университетское кафе „Гаудеамус“, где и состоялось выступление „Седьмой ступени“ в узком кругу. Отыграли очень сильно. Все были просто в восторге. Потом Цой пел свои песни под гитару почти до утра. Никогда не забуду эту ночь... Цой пел за столом, но с полной отдачей, как на концерте. Было человек 30. Много общались. Питерцы рассказывали, как им удалось создать рок-клуб. Все это напоминало встречу подпольщиков. Рок-революция не за горами... Разошлись под утро. Жаль, фотографий нет».⁶⁹

⁶⁸ Из интервью А. Астрову, И. Сульдину – август 2016 года.

⁶⁹ Из интервью автору – 2016 год.

31 мая 1986 года. Концерт на IV фестивале ЛРК

31 мая 1986 года группа «Кино» хоть и не совсем успешно, но все же выступила на IV фестивальном концерте рок-клуба. Нужно отметить, что «Кино» играло расширенным составом. Помимо Африки был приглашен клавишник Дмитрий Павлов, игравший в ресторане «Океан».

Александр Титов:

«Это был явно неудачный концерт. Цой запел совершенно другим голосом, в котором себя еще не почувствовал. Новый репертуар выглядел мутным и неразборчивым. Особенно меня поразила адская монотонность в аранжировках, которые казались тогда откровенно дубовыми. Возможно, во мне говорила ревность... И только значительно позднее я понял, что в этом повороте Цой был прав, точно рассчитав все надолго вперед».⁷⁰

Георгий Гурьянов:

«Вообще там было все не то и все не так. Для этого концерта мы взяли клавишника, басиста. Все было нормально отрепетировано, договорено, и в момент концерта все вдруг стали совершенно другие партии играть, от балды. Витя не был готов к такому повороту. Публика еще немножко отмороженная была. В общем, не пошло. Там был еще такой забой – „Любовь – это не шутка“, в стиле Sex Pistols. Такое мощное рубилово, которое тоже никак не пошло. Все было не так. Сохранилась запись даже, свистящая такая. У нас у всех там были косяки – Каспарян, Тихомиров не то что-то играют... Крыша поехала. А я на общем фоне загнал все страшно быстро. Хай-энерджи получилось такое. В общем, это было неудачное выступление».⁷¹

Виктор Цой:

«Виноватыми считаю слушателей: они ничего не поняли. Хотелось спуститься со сцены и набить морду первым четырем рядам... Должно было быть так, как у Гребенщикова. Он поступил нечестно – просто спел старые вещи. Я тоже мог так поступить, но вышел с новой программой...»⁷²

Игорь Черидник, музыкант, барабанщик, играл в группах «АукцЫон», «Поп-механика», «Игры» и др.:

«Я помню, что на лауреатском концерте в ЛДМ в 1986 году, после выступления группы „АукцЫон“ (в которой я тогда играл), выступала группа „Кино“ и народ стал активно уходить с концерта. Я был в зале и услышал ленивую, вялую и без огонька и драйва выступающую группу, да еще и Витя был не в духе и, может быть, плохо себя слышал, но пел мимо нот. Даже в тогдашнем самиздатовском журнале „Рокси“ („Рок с интересом“) была довольно разгромная статья на эту тему. Но я был на двух, максимум трех неудачных концертах, но примерно с десятков остальных, на которых я был, –

⁷⁰ А. Житинский, М. Цой. «Виктор Цой. Стихи, воспоминания, документы». СПб.: Новый Геликон, 1991.

⁷¹ Из интервью автору – 2012 год.

⁷² Из статьи М. Тимашевой о фестивале Ленинградского рок-клуба. «Сельская молодежь». 1986.

были просто чумовыми!!! Был я и на сольном концерте Вити в том же ЛДМ,
и народ там тоже „стоял на ушах“...»⁷³

⁷³ Из интервью автору – 2013 год

8 июня 1986 года. Москва. ДК МИИТ. Фестиваль московской рок-лаборатории «Движение в сторону весны»

8 июня 1986 года в ДК МИИТ состоялся фестиваль Московской рок-лаборатории «Движение в сторону весны». Музыканты «Кино» играли вместе с группами «Аквариум», «Алиса», «Звуки Му», «Николай Коперник».

Нина Барановская:

«Помню, когда московская рок-лаборатория впервые устроила нечто вроде фестиваля, в качестве гостей пригласили и питерские команды, в том числе „Кино“ и „Алису“. После мрачноватых изысков москвичей выступление „Кино“ было как порыв свежего ветра. В антракте я подошла к Цою и сказала ему об этом. И он, несомненно, радуясь отличному своему выступлению, с азартом произнес: „Э, подождите, вот сейчас еще Костя выступит! Он им покажет!.. Куда Москве до нас!“...»⁷⁴

Юрий Гаранин, художник:

«Вообще, я никогда не был поклонником группы „Кино“. И если бы не прямая связь творчества Цоя и БГ, вряд ли он бы попал в поле моего внимания. Но тем не менее много раз с Михаилом Науменко мы порывались ехать к Цою в котельную „Камчатка“. Но в самый последний момент падали без сил. Я, конечно, был с ним знаком. Но не накоротке. Короче, не выпивал. Однако горжусь своим фото, сделанным на фестивале „Движение в сторону весны“ в 1986 году в ДК МИИТ...»⁷⁵

⁷⁴ Н. Барановская. «По дороге в рай...». СПб.: Новый Геликон, 1993.

⁷⁵ www.yahha.com

Первому Крымскому рок-фестивалю 1986 года посвящается...

Это сейчас установленной на газоне палаткой никого не удивишь, а в 1986-м выросший у симферопольского Дворца культуры строителей целый городок фанатов рок-музыки привел местных жителей в ужас. Они утешали себя тем, что потерпеть это безобразие придется только две недели – пока не закончится «кошмар», обрушившийся на тихий город.

Мало кто помнит, что именно в Симферополе прошел первый в Союзе фестиваль, собравший музыкантов и артистов, которые сейчас уже считаются звездами. Например, Гребенщиков пел на пляже в Коктебеле, напротив знаменитого дома-музея Волошина.

Популярным среди коктебельских завсегдатаев местом стала лодочная станция, возле которой был удобный пляжик. На этой станции, которая до сих пор стоит на своем месте, в начале 80-х обосновался в качестве сторожа-директора изгнанный из университета за антисоветские взгляды Борис Румшицкий вместе со своей будущей женой Ириной Легкодух.

Борис Румшицкий, общественный деятель:

«То, что Боря, с которым мы постоянно квасили на пляже, был не просто мой тезка, а какой-то „тот самый Борис“, я понял нескоро...

Однажды мы сидели, он запел, а люди, проходившие по набережной, стали останавливаться, кто-то сказал: „О, смотрите-ка, кто-то под Гребенщикова работает!“ И тут до меня дошло, что это он сам и есть. Как-то очень быстро вся эта коктебельская тусовка попадала в нашу маленькую сторожку: оказывается, они уже в Москве передавали друг другу мой адрес: дескать, найдешь в Коктебеле лодочную станцию, там есть такой Боря, он тебе расскажет, где чего снять...

В Коктебеле 80-х найти кров было непросто, поэтому лодочная станция превратилась в перевалочный пункт и место, где можно было весело провести время. Майк Науменко („Зоопарк“), Петр Мамонов („Звуки Му“), Александр Титов („Аквариум“) – чуть ли не все ленинградские, челябинские и прочие музыканты, многие из которых теперь считаются „отцами“ рок-музыки, сживали в маленькой сторожке.

Душой компании был Сергей Курехин – музыкант, композитор, отец „Поп-механики“. Смешным он мог делать все что угодно. Идет наша компания через мостик у речки, там лягушки квакают. Он тут же начинает ими дирижировать, подпевать, нас заставляя – и такой хор получается! Или возвращались в Коктебель мимо персикового сада, привезли во-от такой пакет, и Курехин на набережной продавал эти персики за... песню или рассказ, или за право измерить проходящим рядом девушкам длину ног...»⁷⁶

Хорошее было время: пили крымское вино, пели песни, выручали друг друга деньгами. Однажды Борис Гребенщиков накануне отъезда остался без копейки, и Борис Румшицкий взял его запасные джинсы и понес продавать, выручив тридцать рублей – как раз на билет до Ленинграда.

Виктора Цоя Румшицкий встретил на набережной: тот стоял и крутил нарисованный от руки план поселка, где кто-то стрелочками указал, как добраться на лодочную станцию. Дружба, которая завязалась в тот день, продолжалась до самой гибели Виктора...

⁷⁶ http://simferopol.in/topic/3626-interesnie-fakti-iz-istorii-simferopolja/page__st__330

Уже известный тогда клоун-мим Вячеслав Полунин вместе с группой «Лицедеев», тоже знакомый рок-музыкантов по Коктебелю, оказался беззащитным перед советской провинциальной цензурой. От него потребовали подать на утверждение... тексты выступлений. «Это же мим, он вообще не разговаривает, – убеждал чиновников Борис Румшицкий. – Он лицом и телом работает!» Нет, согласовать текст необходимо, настаивали чиновники. В результате они получили листок с полунинским текстом, состоящим всего из двух слов: «ни-иззя» и «зя!» – и еще долго размышляли, не кроется ли в них какая-то крамола. Из 16 запланированных концертов состоялись только два, остальные все-таки отменили. В цирке на «Лицедеев» собралось множество людей, и тут выяснилось, что нет света: почему-то не работают прожекторы. Тут же, за кулисами, договорились, что Полунин займет зрителей, а Цой будет петь. Объявили, что по вине цирка программа не состоится, но зрелище будет, и четыре часа Полунин и Цой «вели» зал. После концерта Виктор был страшно оскорблен, увидев очереди у касс: люди спешили получить назад деньги за билеты, так как обещанное шоу им не показали.

Осень 1986 года. Цой. Концерт в Долгопрудном

Осенью 1986 года Цой по приглашению едет в город Долгопрудный, где дает пару акустических концертов в студенческом клубе «Кофейня» Московского физико-технического института. У организатора этих концертов охранилось несколько довольно неплохих фотографий.

Из воспоминаний:

«Я видел Цоя один раз: это было в 1986 примерно году. Обещано выступление „Звуков Му“, „Бригады С“ и тогда очень уже знаменитого „Кино“. Однако концерт откладывался из-за того, что один из московских музворотил, раздосадованный тем, что ведущие всего этого дела в восторженности как-то его оттерли на второй план, не выставил на сцену какую-то существеннейшую часть аппарата. Пока это тактическое напоминание о себе доходило до сознания ведущих, шло время. Атмосфера из-за страшной накуренности и всеобщей истерики делалась почти невыносимой. Поэтому я слонялся по залу без дела и случайно увидел Цоя. Он и другие музыканты „Кино“ сидели за столиком, не ввязываясь ни в какие разговоры. Цой, казалось, был очень раздражен происходящим. Он сидел абсолютно неподвижно, курил и пил воду. Смуглое лицо его было мрачно. На запястье блестел массивный желтый браслет. Он напоминал какого-то якутского идола. Конечно же именно он, неподвижно сидящий в центре этой неопикуемой московской суеты, был достоин поклонения, как никто другой...»⁷⁷

⁷⁷ Из воспоминаний поклонников «Кино».

6 сентября 1986 года. «Кино» в Риге

6 сентября 1986 года, согласно отчету Рижского рок-клуба, в Риге, в зале Латгипрогорстроя состоялся концерт группы «Кино».

Андрей Яхимович, рок-музыкант, президент Рижского рок-клуба:

«Тогда, в то время мы вытаскивали всех из Питера в Ригу, всех, кого могли... И вот решили вытащить Цоя. По-моему, у него тогда как раз вышел новый альбом. У нас же все только „Начальника Камчатки“ слушали.

Честно говоря, когда произошел приезд, в Риге они не произвели впечатления, потому что их все больше знали по акустике, еще когда Цой играл с Рыбой... И так немножко странно восприняли то, что ребята были одеты как Depeche Mode, а пели про какие-то там „перемены“.

И я могу сказать, может быть такой смешной случай, в зале кто-то сказал даже: „А что это за Мао Цзэдун приехал?“

Реакция была именно такая. Но они нормально выступили, такие все в черном... Там с ними уже тогда играл Тихомиров из группы „Джунгли“, которую мы все как-то больше любили, потому что там профессиональнее все было. Кстати, это все как-то через Тихомирова все прошло, то есть через „Джунгли“. Мы пригласили, они приехали, выступили... К сожалению, материалов с концерта и не сохранилось у меня, разве что несколько фотографий с концерта. Цой там такой накрашенный, цветная картинка.

Ну, вот так вот было... Они приехали, выступили, но фурора не было. Но это был их первый приезд, еще до всяких „Асс“ и прочего, и я как-то не могу сказать... „Аквариум“ вот очень хорошо приняли, да. А „Кино“... ну не обсвистали, конечно. В Латвии вообще не принято обсвистывать же. Было неожиданно, по крайней мере для Риги, я точно помню, что все как-то привыкли к хипповым вариантам Цоя, его песенкам типа „Восьмиклассницы“, записи которых ходили по рукам, поэтому на концерте многих поразил этот новый Цой и буквально лозунги со сцены. Мао Цзэдун... „Перемен!“ Мы-то в этом отношении как-то более спокойно относились к этому.

Своей площадки, зала у рок-клуба в Риге тогда не было, что и хорошо. Мы договаривались с различными залами сами.

Зал Латгипрогорстроя, где выступало „Кино“, был такой приличный, мест на 400–500, что называется, институтский конференц-зал. Такие площадки были при всевозможных ДК, только без аппаратуры. Мы выставляли аппаратуру свою, а площадки были очень хорошо оборудованы под акустику и вообще, то есть они в принципе носили характер клуба. И вот это мероприятие не было, в общем-то, подпольным, наоборот все было довольно серьезно, да и заведение было весьма серьезное – это был научно-исследовательский институт практически в центре города.

Конечно, каких-то особенных, ярких воспоминаний о том концерте у меня нет. Просто позвонили, договорились о приезде. Тогда же все было так: позвонили, все по телефонным звонкам. Договорились, мол, давайте, вы приедете в Ригу. Перед этим „Джунгли“ приезжали, видимо, сказали там, в Питере, что все нормально, и ребята приехали.

До выхода „Ассы“ в Риге практически не было такой дикой популярности „Кино“ и Цоя. В Риге вообще тогда было сложно всем

выступать, потому что мы всегда были как-то так оторваны от России в целом.

Жили „киношники“ в тот приезд по домам у местных в Болдерае, и я помню, что жаловались потом, естественно, на барабанщика „Кино“. Что-то он там тогда вытворил, как всегда... Он же все время что-то вытворял, например, мог опоздать на самолет или выкинуть какую-нибудь штуку интересную. Его тогда Густав все звали, прозвище такое было.

Наши ребята с ними сдружились там потом, попили с ними там... Я как-то меньше, потому что, честно говоря, я немножко не понимал этого всего, да и постарше был как-то. Поэтому рок такой я не воспринимал как-то так всерьез. Да и играли они плохо тогда. Хотя тогда все играли плохо, по большому счету. А многие совсем плохо.

Хотя я вот помню – „Звуки Му“ приехали, они очень так... рассмешили... И „Аквариум“ очень хорошо прошел. Там челюсть отвисла. Потому что у нас тут немножко другие традиции были, у нас тут как-то больше такое рок-н-рольное, припанкованное, с ориентиром не на тексты, а на музыку больше. И поэтому Цой был так немножко... Как раньше говорили, „хэви давай“. А здесь что? Вышел такой парень в черном, в браслетах, и вдруг как запел какими-то лозунгами... „Перемен!“ И вот эта фраза всем очень запомнилась. А что это Цой стал как Мао Цзэдун? Но вообще все нормально было. Вход на концерт тогда стоил два рубля. Но билеты нам было запрещено продавать: эти концерты считались творческим обменом молодежи. Поэтому мы собирали деньги в форме членского взноса Рижского рок-клуба. Комсомольских деятелей на концерте было много. Они внешне мало отличались от простых членов рок-клуба, но я их сразу вычислял по качественной финской обуви или кроссовкам, которые были доступны не всем. Вели себя прилично. Через год Цой снялся в „Ассе“ и сразу стал героем всего советского пространства, нетитулованным народным артистом, чьи песни, нравятся они кому-то или нет, стали народными. Конечно, по линии Рижского рок-клуба его уже было не достать».⁷⁸

⁷⁸ Из интервью автору – 2014 год.

6 октября 1986 года. Концерт в Таллине. ДК им. Я. Креукса

Марк Шлямович:

«Уже многие годы, случайно увидев какие-нибудь фото, где я изображен с Витей Цоем или с „Кино“, меня забрасывали вопросами: „Откуда?“, „Ой, расскажи!“ Я всегда уходил от любых рассказов и воспоминаний, поскольку не считаю себя достойным паразитировать на этой теме.

Но так случилось, что ко мне обратились с настоятельной просьбой вспомнить „былые времена“, чтобы эти воспоминания использовать в книге о группе „Кино“. И я не смог отказать! Поэтому, не погружая читателя во все и вся, я попытаюсь описать некоторые события, свидетелем и участником которых мне пришлось быть...

Было бы логичным начать с того, как я познакомился с Виктором Цоем и всей питерской компанией того времени. Опишу достаточно романтическую и яркую историю о том, как, будучи студентом, я приехал на каникулы к своим гостеприимным родственникам из Зеленогорска и мой дорогой троюродный брат Сашка Кудряшов организовал знакомство с Питером: прогулки, концерты, знакомства с неформалами...

В питерской атмосфере я увяз сразу, погрузившись душой в уникальную романтику того уникального времени, в котором среди совковой серости пробивались бреши, обитали удивительные люди, чудесная музыка (и музыканты) и был повод для мечтаний...

Но некоторую цепь событий, что привели меня к „Кино“, я все же выстрою. А сделали это друзья, которые и открыли для меня Питер (с удовольствием назову их: Саша „Кримсон“ Кудряшов, Леша Фролов, Дима Алешин и Вовка Марков). Низкий им поклон, именно они познакомили меня с Сашей Куssулем (царствие ему небесное!), трепетным скрипачом „Аквариума“. Он, в свою очередь, познакомил меня с БГ, приведя в гости на знаменитую Борину квартиру на улице Софьи Перовской. Маленькую, без особых удобств, под самой крышей („а я сижу на крыше и я очень рад...“), где Борис проживал со своей тогдашней женой Людой и малюсеньким еще Глебушкой.

Эта группа, этот живой организм, словно волшебное невидимое растение развернула во мне цветы, пустив корни глубоко в мою душу. Я понял, что не могу жить вне этого рок-н-рольного мира, что хочу быть не просто зрителем/свидетелем каких-то событий и процессов, а стать их соучастником. Но что я, не музыкант, могу? И решил помочь как журналист, то есть пробивать в совковые СМИ, которые напрочь отторгали любые материалы о рок-музыке, свои опусы, полные любви и позитива. Я считал, что пишу неплохие тексты, но это не пригодилось...

ДК Креукса, или первый концерт „Кино“ в Таллине

В институте я учился плохо и распределение получил в Синди – Харьбюский уезд, говоря проще, поселок с зоной в 45 км от Таллина. По какой-то причине я там оказался не нужен, и был перемещен в столицу Эстонской ССР.

И если выйдя из самолета 1 августа 1985 года я впервые в жизни оказался в Таллине, то через два месяца стал уже организовывать концерты. Разумеется, концерты „Аквариума“. Когда я спросил Борю и других ребят, кого пригласить в первую очередь, они единогласно провозгласили: „Кино“. В то время в Питере, при общем рок-н-рольном братстве, существовали еще более узкие круги дружественных групп, к примеру, „Аквариум“ был очень дружен с „Кино“ и „Зоопарком“.

Я позвонил вечером Цоям домой и тут же договорился насчет концерта. Назначили дату „через месяц“ и я начал готовиться. А как все организовать?

На дворе 1985 год, вокруг – совок, ничего нет... Сначала я нашел зал, некий Дом культуры (ДК) имени загадочного Яна Креукса, расположенный в самом сердце старого Таллина, рядом с Ратушной площадью, на самой длинной улице Старого города – улице Пикк. Средневековые во всей красе. ДК находился в здании Братства Черноголовых. Там и было суждено состояться первому в истории не только Таллина и Эстонии, но и вообще Прибалтики концерту группы „Кино“.

С местом разобрались, теперь – озвучка концерта. Это теперь группы пишут многостраничные технические райдеры с перечислениями всяких терминов и прибабасов, о которых, убежден, некоторые из них имеют смутное представление. Тогда было проще, Марьяна сказала, что нужно: озвучить соло-гитару, бас-гитару, барабаны и еще ритм-гитару плюс вокал. И все!

Но где это „все“ взять? Благо неподалеку от ДК базировалась какая-то тяжеловесная группа с заумным названием „Эйфония“, имеющая аудиокompлект „Вермона“. Я совершенно искренне навешал им на уши лапши, что буду всячески способствовать их продвижению в светлое карьерно-музыкальное будущее в обмен на предоставление аппарата. Ребята (это были люди за сорок) согласились и даже предоставили для озвучки своего музыканта. (Спасибо вам, ребята, задним числом, еще раз.)

Итак, зал есть, озвучка будет, но как покрыть расходы музыкантов на проезд и минимально выдать денег за концерт? Сам я был нищ, как церковная мышь, моей зарплаты мастера в ПТУ, постоянно лишаемого премий за любые проступки подопечных и проживающего в тусклой общаге с удобствами на весь этаж, явно бы не хватило...

Однако директор ДК, красивая, величавая и хладнокровная, как сытая змея, эстонская дама Виви Панофф изрекла следующее: „Вы, ребята, – хотя я был в единственном числе, – сделайте пригласительные и продайте их: часть денег мне, часть – музыкантам“.

Произнесла она все это с тягучим, мелодичным эстонским акцентом, не моргнув глазом, хотя за подобную операцию в то время могли посадить. Причем всех.

Из бланков ДК сделали подобие пригласительных, но кому их продавать? Я познакомился на знаменитой таллинской „горке“ – месте встреч и спекуляций всех меломанов – с молодым человеком по имени Петр Целуйко, помешанном на Led Zeppelin. Он взялся помочь и каким-то образом распространил эти „билеты“. До сих пор помню, собрал для „Кино“ целых 30 рублей плюс оплата проезда.

Оставалось решить проблему проживания группы перед концертом. Вот тут уже пришлось поломать голову, однако вновь помогло знакомство с одним расположенным ко мне человеком. Имя его я уже забыл, это был молодой парень, начальник Таллинского дома офицеров флота, что тоже в центре Таллина.

Пришел я к нему и говорю: так, мол, и так, не знаю, что делать. Может, что посоветуешь? И мой капитан-лейтенант браво изрекает: „Слушай, а возьми-ка ты кабинеты на третьем этаже, если подойдут, можете там переночевать“.

Я взлетаю на третий этаж, вхожу, вижу три комнаты, абсолютно пустые, лишь в одной из них на стене висел громадный контрабас. А на чем музыканты спать-то будут? Я снова к начальнику ДК, а он: „Бери софы на первом этаже (служашие для места отдыха в фойе) и занеси наверх“.

Софы на первый взгляд показались очень симпатичными, но как только я попробовал сдвинуть одну из них, понял: нужно быть Гераклом, чтобы выполнить задачу по обеспечению кабинетов спальной мебелью. Но и здесь помог капитан-лейтенант, выделил двух дежурных матросов.

Они, скрипя зубами, тащили софы по широкой каменной лестнице. Потом, уже не скрывая злобы, все громче и громче матерясь, с угрозой оглядывались в мою сторону. Не знаю, чем бы все это закончилось, но вдруг одного матросика осенило, и он, поставив эти софы на паркет, понял, что их легко можно докатить в нужное место без особых напрягов. Не прошло и двух часов, как три кабинета были оснащены софами в одинаковых чехлах бежевого цвета.

Комнату с контрабасом я мысленно решил выделить Виктору с Марьяной. О таких вещах, как постельное белье, я решил уже не думать, так как иссякла фантазия и силы. Рок-н-ролл все ж таки, какое, на фиг, постельное белье.

И вот близится день приезда группы „Кино“ в Таллин. После приличной очереди на Главпочтамте за разговором по междугородному телефону с Марьяной было решено, что с „Кино“ приезжает уже знакомый мне фотограф Ленинградского рок-клуба Наташа Васильева, и я был рад ее приезду. Также изъявил желание приехать мой друг Володька Марков, прихватив с собой в придачу очередную приятельницу, питерскую хиппи-системщицу по прозвищу Птица.

* * *

Теплое раннее утро 1986 года, я стою у путей железнодорожного вокзала и жду прибытия поезда с моими дорогими гостями из Питера.

Скажу сразу, как только делегация „Кино“ сошла на землю, хаотичное движение людей, пересекающих вокзальное пространство, немедленно упорядочилось, все устремили свои глаза на „гостей эстонской столицы“. Не обратить внимания на них было невозможно, так как более стильных, классно выглядевших людей я лично до того момента никогда не видел. Вся четверка „Кино“ – вихрастые парни, прически а-ля Duran Duran, все – с черными волосами, только у Георгия белая, крашеная грива, все – в эффектных черных пальто-шинелях и под стать им черных штанах. В общем, класс.

Рядом – улыбающаяся и деловая Марьяна, бодрая Наташа Васильева, а где-то подальше Вовка Марков со своей Птицей. Не менее эффектно ребята закинули сигареты в уголки рта и изрекли: „Привет, Таллин, здравствуй, Марк!“

Тогда мы еще не были друзьями, посему и отношение ко мне было доброжелательное, но настороженное. Кстати, чуть не забыл, и это очень важный момент, позже вы поймете, почему все музыканты несли с собой свои инструменты и легкие рюкзаки за спиной, и лишь Густав был налегке, шел, глядя поверх меня и держа руки в карманах.

Первый приход счастья я уже испытал, и мы сразу двинулись в сторону ДК, а я, в свою очередь, отстраняясь, осматривал гостей. Видимо, я представлял собой более привычную картину: молодой человек, с длинными волосами и усами, в джинсах и джинсовой куртке,

одолженной у моего друга Димки Алешина, со значком с изображением Джона Леннона, который он нашел на Невском проспекте.

В моем архиве сохранилась пара очень качественных фотографий (очень жаль, что многие со временем пропали или были украдены): музыканты „Кино“ шагают во всем своем черном и модном прикиде по мостовой узкой улицы Старого города, отбрасывают тени на светлые каменные стены готических построек. Удивительное ощущение, не залюбоваться было невозможно...

В здании, где должен был состояться концерт, мы нашли уютную примерную, мои гости с удовольствием, не переставая курить, растянулись в креслах, на диванчиках и стали предаваться только им понятным беседам. Там же я отдал Марьяне конвертик с 30 рублями и мы соорудили импровизированный завтрак из магазинной снеди. Там же мы провели время в ожидании, когда музыканты местной команды „Эйфония“ расставят на сцене свой аппарат и можно будет начать репетицию. Вскоре это случилось, и „киношники“ стали репетировать с видимым удовольствием.

Кстати, совсем забыл отметить возможности зала Братства Черноголовых, он мог вместить 250–280 человек. Так что завидуйте те, кто присутствовал на концертах „Кино“ только на громоздких стадионах...

„Этот Цой трахнул всех...“

Немного отвлекусь. Накануне концерта я не поленился обойти практически все газеты и журналы Таллина и пригласить на концерт журналистов отделов культуры. Обещался прийти на концерт (и, кстати, пришел) лишь очень солидный дядечка, вальяжный, саркастичный и известный знаток театра, а тогда заведующий отделом культуры в газете „Вечерний Таллин“, Борис Тух.

Он действительно пришел к началу концерта, скромненько сел в последнем ряду, отбыл весь концерт, а после его окончания, когда я подошел к нему и спросил его мнение, произнес лаконичную сакраментальную фразу, которая потрясла меня своей емкостью и полным отражением сути увиденного и прочувствованного.

Солидный, абсолютно далекий от рока и всего молодежного, но очень интеллигентный человек сказал: „Впечатление от концерта такое, что кажется, будто Цой трахнул всех находящихся в зале независимо от пола!“

И все. Поблагодарил за концерт и ушел. А я стоял, как вкопанный, провожая Туха взглядом, потому что это был *именно такой* концерт, достойный *именно такой* фразы. Более яркой фразы я больше никогда в жизни не слышал.

Возможно, читатель заметит, что я невольно подчеркнул некую обособленность (нет, нет, не от других „киношников“, а незнакомых (или пока незнакомых) группе людей) Георгия Гурьянова. Я как-то и не принял это близко к сердцу, для меня он был таким же дорогим и долгожданным гостем наравне со всеми. Однако перед концертом произошло нечто, что чуть не вызвало у меня сердечный удар или что-то похожее.

Представьте: ровно 30 минут до начала концерта! Люди уже стекаются к залу, заходят в фойе. Георгий, все так же, как и ранним утром при выходе из поезда, стоит, подпирая вход в здание Братства Черноголовых, руки в карманах своего стильного черного пальто, и спокойно наблюдая за окружающим пейзажем, впервые за время нашего знакомства говорит мне следующее: „Ты знаешь, Марк, я не смогу играть концерт сегодня, у меня нет барабанных палочек. Свои я оставил в Питере, дома“.

1986 год, вечер, на весь Таллин где-то на окраине один-единственный музыкальный магазин, и тот давно закрыт. Я вообще живу в этом городе недавно, понятия не имею, кто может иметь палочки, и вообще, это... И вот, скотина, прождал весь день, и только теперь сказал!

Наверное, у меня все-таки есть ангел-хранитель, и спасибо ему за это. Не знаю, как и откуда, но после моего вопля о помощи, адресованного даже не знаю кому, в космос, что ли, за три минуты до начала концерта кто-то достал и притащил крепкие палочки от пионерского барабана, и „редиска“ Гурьянов отлично отыграл ими концерт. Одна из них треснула где-то ближе к концу концерта, но это уже было не страшно.

А сам концерт... Я представил группу со сцены, что потом стало традицией мною организуемых концертов, и пошло-поехало: звук, свет, музыканты – все было безукоризненно.

Я позабыл себя, кто я, где я и откуда, меня перетаскивало волнами из одной стороны зала в другую. Все стояли на ушах. Каждому из трехсот присутствующих на этом концерте людей было очень удобно в любой момент вынырнуть у сцены, получить дозу позитивной энергии, исходящей от наэлектризованных музыкантов и снова пуститься в круговое движение, уступая место следующим непрерывно мигрирующим по залу зрителям: устоять/усидеть на месте было совершенно невозможно.

Какое-то язычество, светлое шаманство, это было некое соитие всех со всеми и ощущение крепкого родства между всеми присутствующими. Видно было, что выступление в такой шикарной, редкой атмосфере и обстановке приносит невероятный кайф и самим музы-

кантам. И вот Витя отставляет в сторону свою гитару, которой он задавал ритм, и пускается в свой фирменный пляс, сплетя ладони и подняв соединенные руки над головой, трясая ими в соответствии с мощным ритмом, исходящим от каждой исполняемой песни! Это было невероятно здорово! Таких концертов, таких катарсисов в моей жизни на пальцах одной руки пересчитать!

Мое место слева, и я должен там сесть,
Не пойму, почему мне так холодно здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.